Как делать когнитивный поворот в исследованиях этничности: фиксация и объяснение этнических культурных когнитивных схем

Рекомендация для цитирования:
Варшавер Е. А. (2026) Как делать когнитивный поворот в исследованиях этничности: фиксация и объяснение этнических культурных когнитивных схем. *Социология власти*, 38 (3): 83-137. EDN: HKZRGG

For citation:
Varshaver E. A. (2026) How to Make a Cognitive Turn in Ethnicity Research: Recording and Explaining Ethnicity-Based Cultural Cognitive Schemas. *Sociology of Power*, 38 (3): 83-137.

Поступила в редакцию: 15.03.2026; прошла рецензирование: 02.06.2026; принята в печать: 05.06.2026
Received: 15.03.2026; Revised: 02.06.2026; Accepted: 05.06.2026

© Author, 2026
This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Евгений А. Варшавер
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Российская Федерация
https://orcid.org/0000-0002-5901-8470

Резюме: В статье представлена совокупность решений для эмпирической работы после когнитивного поворота в исследованиях этничности. До настоящего времени — несмотря на существенную имплицитную когнитивизацию области — когнитивный поворот, то есть эксплицитная установка на интеграцию методов и результатов социальных наук, с одной стороны, и психологии/когнитивистики — с другой, так и не был реализован. Объявленный в начале 2000-х Роджерсом Брубекером, он так и остался декларацией, не став программой исследований в том числе потому, что не было разработано инструментов и методов для «поля». В статье сначала осуществляется историко-социологическая реконструкция когнитивизации исследований этничности, затем — в качестве ключевого эмпирического объекта — предлагается заимствованный из современной когнитивной социологии и адаптированный для исследований этничности концепт «этническая культурная когнитивная схема», а после этого — на основании исследований автора, осуществленных в период с 2022 по 2026 год — показывается, каким образом этнические схемы можно обнаруживать, описывать и объяснять. Демонстрируется, что этнические схемы можно изучать на основании классических интервью, элицитационных методов, разнообразия ассоциативных тестов и др., а когнитивно-социо-

логические объяснительные модели объединяют схемы с различными элементами социальной структуры (прежде всего институтами). В заключении приводятся ограничения осуществленной работы и перечисляется, что именно необходимо для дальнейшего продвижения в рамках когнитивного поворота.

Ключевые слова: этничность, когнитивный поворот, когнитивные схемы, Брубекер, Дагестан, национальности

How to Make a Cognitive Turn in Ethnicity Research: Recording and Explaining Ethnicity-Based Cultural Cognitive Schemas

Evgeni A. Varshaver

RANEPA, Moscow, Russian Federation
https://orcid.org/0000-0002-5901-8470

Abstract: The article presents a set of solutions for empirical research "after the cognitive turn" in ethnicity studies. To date, despite a significant implicit cognitivization of the field, the cognitive turn—understood as an explicit orientation toward integrating the methods and findings of the social sciences on the one hand, and psychology/cognitive science on the other—has not been fully realized. Announced in the early 2000s by Rogers Brubaker, it has remained a declaration rather than becoming a research program, not least because tools and methods for empirical fieldwork have not been developed. The article first provides a historical-sociological reconstruction of the cognitivization of ethnicity studies. It then proposes, as a key empirical object, the concept of "ethnic cultural cognitive schema," borrowed from contemporary cognitive sociology and adapted for ethnicity research. Drawing on studies conducted by the author between 2022 and 2026, the article demonstrates how ethnic schemas can be identified, described, and explained. It shows that ethnic schemas can be studied using classical interviews, elicitation methods, various types of associative tests, and other approaches, while the proposed explanatory models link schemas to different elements of social structure (primarily institutions). The conclusion outlines the limitations of the study and specifies what is required for further advancement within the framework of the cognitive turn.

Keywords: ethnicity, cognitive turn, cognitive schema, Brubaker, Dagestan, nationalities

Этничность — это не вещь в мире, а взгляд на мир.

Роджерс Брубекер

Введение

Давно назревший, но только сейчас активно происходящий в социальных науках когнитивный поворот в разной степени затронул разные сферы исследований. Этничность в этом смысле — сфера парадоксальная. Говорить о ее постепенно увеличивающейся имплицитной когнитивизации можно начиная с работ Манчестерской школы (Gluckman 1940; Mitchell 1956; Turner 2020 (1957)), а последующие классические работы (Barth 1969; Horowitz 2000 (1985); Jenkins 2008), в которых фокус переносится с этнических групп и их культур на этнические различия и детерминанты их воспроизводства, такой подход к исследованиям этничности сделали мейнстримом. При этом эксплицирован в качестве повестки дня он был только в начале 2000-х в работах Роджерса Брубекера (Brubaker 2004; Brubaker et al. 2004), и даже после этого он скорее остается в большей степени декларацией намерений, нежели реализованной программой. За это время многие тематические направления ушли далеко вперед, и когнитивная социология, направление, заявляющее о необходимости междисциплинарной интеграции и пересмотра базовых социологических онтологий и моделей объяснения, возникла на базе социологии культуры (Cerulo 2023 (1998); Cerulo et al. 2021) и социологии организаций (Delmestri & Greenwood 2016; Lounsbury et al. 2021). В результате этнические явления, будучи, с одной стороны, потенциально лучше объясняемы посредством теоретико-методологического инструментария на стыке социальных наук и когнитивистики/психологии, с другой — тематикой, наиболее показательной для развития самой когнитивной социологии и реализации когнитивного поворота в социальных науках, в указанной рамке остались очевидно недоисследованы. Когнитивный поворот, однако, это не только концепты и теоретические модели, но и методологические решения и дизайны исследования. В этой статье будет описан и суммирован опыт эмпирической когнитивизации исследований этничности, осуществленных автором вместе с коллективом Группы исследований миграции и этничности в период с 2022 по 2026 год, и продемонстрировано, как и с каким результатом можно делать когнитивный поворот в эмпирических исследованиях. В качестве ключевого концепта, операционализации и интеграции в исследовательские дизайны которого посвящена статья, была выбрана этническая культурная когнитивная схема (Boutyline, Soter 2021; Hunzaker, Valentino 2019). Выбор этот не беспроблемный: существует множество традиций определения когнитивных схем как в когнитивистике, так и в когнитивных социальных науках, более того, современные модели мышления скорее уходят от использования этого понятия, выпестовывая другие концепты, опи-

сывающие феномены сознания/мышления (Clark 2016). Однако для современной когнитивной социологии именно этот концепт является точкой сборки, позволяющей наладить коммуникацию между социальными и когнитивными науками, и на его основании описываемые исследования будут сшиты воедино теоретически и нарративно, притом что (это важно отметить) лишь часть из них эксплицитно фокусировалась на схемах в момент проведения. После краткой историко-социологической реконструкции этапов когнитивизации (эксплицитной и имплицитной) исследований этничности последует описание исследовательских дизайнов, в рамках которых этнические схемы (1) реконструируются и описываются, (2) включаются в объяснительные модели. Применительно к каждому дизайну — в сокращенном относительно обычного статейного виде — приводится описание проблемы, методологии и результатов, а также показывается, как в его рамках была осуществлена когнитивизация и что это дало. В заключении — описывается «добавленная ценность», появившаяся как результат и побочный продукт внедрения этого подхода, а также суммируются основные его принципы и намечаются следующие шаги, необходимые для его пролиферации.

Исследования этничности: от имплицитной когнитивизации к эксплицитному когнитивному повороту

С момента институционализации социологии/антропологии, с одной стороны, и психологии/когнитивистики — с другой, попытки преодолеть во многом искусственный водораздел между этими дисциплинами предпринимались не раз, и скорее даже сложно назвать исследовательские программы и теории, созданные в русле социальных наук, которые бы не были в той или иной степени когнитивизированы. Важной деталью является то, что происходило это на фоне достаточно строгой дисциплинарной установки избегать т.н. психологизма, то есть объяснений, в которых социальные явления объясняются психическими различиями *per se*, без того, чтобы затем объяснить психические различия социальными факторами (например, условиями социализации и проч.). Этот пуризм, без сомнения, имел теоретический смысл на первых этапах, когда предмет исследований социальных наук не был в полной мере прояснен, затем, однако, антипсихологизм был фетишизирован, во многом став нормой, потерявшей свою функцию. Вместе с тем в той мере, в какой социальные науки состоялись (как минимум в том, что касается теории и институтов), поддержание четкой междисциплинарной границы в настоящий момент вряд ли так уж осмысленно и,

возможно, скорее вредит общему познавательному проекту, нежели помогает ему. Это касается как теоретических моделей, так и исследовательских дизайнов и конкретных методов.

Неудивительно, что с момента возникновения социальных наук исследователям, цели которых состояли не в построении строгой дисциплинарной теории, а в объяснении окружающего мира, в дисциплинарных рамках было тесно, и попытки перехода дисциплинарной границы предпринимались — в том или ином виде — множество раз. Из классических ранних примеров такого рода синтеза можно — с определенными нюансами — упомянуть символический интеракционизм с его теоретизацией спонтанного *I* и социального *me* (Mead 1934), в последние же десятилетия программ, эксплицитно призывающих к интеграции психического и социального, было несколько. К таковым можно отнести и социально-когнитивные исследования дискурса ван Дейка (Van Dijk 2017), и теорию репрезентаций Московичи (Moscovici 1981), и когнитивную социологию Зерубавеля (Zerubavel 1999). Дальше всего, однако, в вопросе продвинулось направление, известное как когнитивная социология культуры, связанная в первую очередь с именами ДиМаджио (DiMaggio 1997), Вэйси (Vaisey 2009), Лизардо (Lizardo 2017) и других. Все эти программы были в той или иной ситуации инспирированы когнитивной революцией 1960-х, существенно изменившей научные представления о психике, мышлении и личности, и начиная примерно с 1980–90-х эти представления в разных формах стали распространяться на другие дисциплины, стали возникать междисциплинарные теоретические модели, исследовательские дизайны, черпающие методы и понимания с обеих сторон границы, пролегающей между науками о внутреннем мире человека, с одной стороны, и контексте этого мира — с другой, а также работы, проблематизирующие эту границу как таковую.

Парадоксальным образом, однако, к этим дисциплинам не относятся исследования этничности. Имплицитно эта тематическая сфера оказалась когнитивизирована довольно рано, но вместе с тем (и, возможно, как раз в связи с ранней когнитивизацией) — эксплицитный когнитивный поворот исследований этничности пока не произошел. В 2004 году во влиятельной статье «Этничность как познание» Роджерс Брубейкер (Brubaker et al. 2004) указал на необходимость когнитивной перекройки социальных исследований этничности, однако программной эта работа не стала и в качестве прямого руководства к действию воспринята не была. Вместе с тем когнитивный поворот именно применительно к этничности — в той мере, в какой он понимается как теоретическая, методологическая и содержательная интеграция социальных и когнитивных наук — буде произведен эксплицитно, несомненно, окажется про-

дуктивен. В конечном счете помимо методов эти науки накопили огромный багаж потенциально взаимодополняющих эмпирически верифицированных представлений, которые необходимо состыковать для понимания этничности в целом. Есть, однако, и множество лакун, которые эффективнее закрывать, отталкиваясь от такого консолидированного представления, и одной из таких лакун является понимание того, как изучать этничность после когнитивного поворота эмпирически.

«Этничность — это не вещь в мире, а взгляд на мир» (Brubaker et al. 2004, p. 32). В этой формулировке за авторством американского социолога Роджерса Брубейкера афористично описаны исходная точка этого поворота и онтология, в направлении которой он должен осуществляться. Что именно это значит? Дело в том, что с момента своего зарождения и долгое время после этого социальные науки концептуально фокусировались на по-разному называемых группах, и, применительно к «науке о чужих обществах», антропологии, таковыми были сначала «племена», а потом и «этнические группы», «культуры» которых, а также «отношения» между которыми предлагалось изучать. Эта — простая — онтология, однако, постепенно перестала выдерживать проверку полем, все больше ориентированным уже не на описание, а на объяснение культуры. Нестыковка фактических культурных паттернов и представлений о сходствах и различиях (бытующих как в науке, так и среди «простых людей») все больше бросалась в глаза, в результате чего со временем исследования культуры и исследования таких представлений были разведены концептуально. Область, отвечающая за изучение категоризаций, которые осуществляют люди применительно к другим и себе, стала называться исследованиями этничности, культура же была выделена в отдельную от этничности, но связанную с ней переменную и, если до того категории рассматривались исключительно как следствие объективных культурных различий, после — сам факт категориального различения оказался важным для их поддержания. Исследования этничности, таким образом, сфокусировались на том, как люди категоризируют других людей, почему они делают это таким, а не иным образом и какие последствия такое категоризирование имеет. Формулируя еще компактнее: в фокусе современных исследований этничности находится обобществленный, дифференцирующий взгляд на мир. Такую рефокусировку — от групп и культур к дифференцирующему взгляду, спонтанному и институционализированному — можно интерпретировать как раннюю когнитивизацию исследований этничности или, как пишет Брубейкер, имплицитный когнитивный поворот.

Как и когда эта когнитивизация произошла? Реконструкторы области (Banks 2003 (1996); Eriksen 2010 (1994); Jenkins 2008) сходятся

на ключевой роли двух основных — развивавшихся в относительной независимости друг от друга — исследовательских традициях: бартианской и менее известной, но более ранней манчестерской, ставшей первым классическим теоретико-методологическим бунтом против гегемонного на тот момент для исследований этнических явлений группистского взгляда. Манчестерская школа антропологии фокусировалась на исследованиях разных аспектов африканского урбанизма в середине XX века, в ее недрах выпестовался наиболее наглядный для понимания подхода термин — «трайбализм», который определялся как «способ классификации африканцев разнообразного происхождения, которые живут вместе в городах» (Gluckman 1960, p. 64). Именно племенные категории, переехавшие в город вместе с сельскими жителями и с этим переездом ставшие описывать иные множества людей, а также сменившие свои семантику и социальный смысл, являются, согласно Манчестерской школе, одновременно и призмой, через которую африканцы смотрят друг на друга, и структурой, которая организует взаимодействия между ними (Mitchell 1956).

По-настоящему широкую пролиферацию когнитивизированных исследований этничности, однако, обеспечили работы норвежского антрополога Фредрика Барта. Во введении к сборнику «Этнические группы и границы» (Barth 1969) он предложил радикальную инверсию аналитического фокуса классической антропологии. Согласно его логике, ключ к пониманию этничности заключается не в идентификации содержания этнической культуры, а в исследовании категоризации и ее последствий. Этничность в таком подходе мыслится как форма социальной организации, в рамках которой поддерживается относительная устойчивость категориального различения между группами. Это, среди прочего, означает, что объектом анализа в исследованиях становится не совокупность культурных признаков, а институционализированная процедура категоризации, она же «этническая граница». Барт выделяет два уровня категоризации. Первый уровень — это интеракционный: этничность реализуется в актах взаимодействия, в которых актуализируются определенные признаки как релевантные для категоризации. Второй уровень — институциональный: существуют устойчивые механизмы социализации, санкционирования и репрезентации, которые поддерживают воспроизводство этой логики различения в долговременной перспективе. Сопряжение этих уровней и составляет феномен «этнической группы» как социальной реальности, а предлагая перенести фокус внимания с групп на категории, акты категоризации и восприятия и их социальные последствия, Барт принципиально когнитивизирует базовую теоретическую модель исследований этничности.

В русле имплицитного когнитивного поворота написана и влиятельная книга Дональда Горовица «Этнические группы в конфликте» (Horowitz 2000 (1985)). Генеалогически Горовиц во многом наследует Манчестерской школе, уточняя и обобщая ее на тот момент уже более чем сорокалетние изыскания. Горовиц обращает внимание на то, что язык говорения об этничности — это во многом язык говорения о родстве. Связано это с тем, что в ситуации, когда социальные и экономические связи людей и сообществ расширяются, за отсутствием иного способа интерпретации возникающих в новых контекстах близостей/противопоставлений/отношений, в этих целях начинает использоваться семейно-родовая логика, или, проще говоря, категории и принципы родства транспонируются на не-родственные отношения, и ключ к пониманию этничности лежит именно в этом транспонировании. Уже непосредственно переходя к объяснению этнического конфликта, в качестве одного из его элементов/механизмов он указывает на когнитивную операцию сравнения, осуществляемую через призму категориальной принадлежности в ситуации контакта, заимствуя этот ход из работ психологов Таджфела и Тернера. Когнитивное присутствует и в других тезисах Горовица. Так, например, он пишет о том, что важным составным элементом этничности являются «перцептивные суждения об этнических сходствах и различиях» (Horowitz 2000 (1985), p. 75). Список таких когнитивистских высказываний может быть продолжен. Книга Горовица — учитывая ее влияние — является следующим важным шагом на пути к когнитивизации исследований этничности. Однако она содержит и очевидные из 2026 года анахронизмы. В частности, таковым является концепт группы, ревизия которого происходит лишь через 17 лет после выхода первого издания книги Горовица — в работе Роджерса Брубейкера «Этничность без групп». До этого, однако, был сделан еще один важный шаг по когнитивизации исследований этничности, связанный с именем Ричарда Дженкинса.

Проект Дженкинса (Jenkins 2008) состоял в дальнейшей социологизации и теоретическом опрозрачивании антропологических построений, идущих от Барта. Барт предположил, что культура оказывается такой, какая она есть, в результате происходящей дифференциации и взаимного определения/категоризации на этнических границах. Дженкинс ему возражает, говоря о том, что в реальности культурный материал этнических границ также играет роль. В целом, однако, Дженкинс соглашается с Бартом и даже его усугубляет — в части, например, тезиса о том, что культура не дискретна, а континуальна. Дженкинс утверждает, что разнообразие — это не особенность современности: и фактического, и воспринимаемого разнообразия было немало всегда, а любая история — это история

ползучих миграций с постоянной категоризацией всех всеми. Важнейшим дженкинсовским расширением модели Барта является, однако, эксплицитный теоретический фокус на внешние категоризации и классификации. Если Барт, да и антропология в целом по разным, в том числе идеологическим, причинам имплицитно фокусировались на идентичности изнутри, согласно социологу Дженкинсу, идентичность — это нечто навязанное, вопрос только кем и когда. Исходя из этого, по Дженкинсу, в основание этничности следует помещать не идентичность (как делалось до), а базово внешние классификации или категоризации, которые интериоризируются и начинают определять поведение на индивидуальном уровне. На этой базе Дженкинс осуществляет еще один важный теоретический ход. Указывая, что этничность функционирует на трех уровнях — индивидуальном, интерактивном и институциональном, — он выделяет «социальные поприща» (social realms) — контексты, в которых происходит этничность. Среди этих контекстов: секс, родство, работа, медицина, политика и многое другое. Начинает он, однако с первичной социализации, в ходе которой человек интериоризирует представления, циркулирующие в обществе, в том числе о том, как различаются между собой люди, а заканчивает наукой как важным легитиматором категоризаций и одновременно ареной борьбы, на которой различные элитные группы пытаются провозгласить более выгодные для себя категоризации. В заключение он вводит т.н. базовую антропологическую модель этничности, которая состоит из четырех пунктов: (1) в основании этничности лежит культурная дифференциация, (2) этничность воспроизводится во взаимодействиях, в ходе которых обобществляются культурные смыслы, (3) этничность в той же степени и фиксирована, и флюидна, в какой устойчивы или изменчивы те контексты, в которых она происходит, (4) этничность — одновременно коллективна и индивидуальна, она экстернализируется в социальных отношениях и категоризировании и интернализируется в персональной самоидентификации. Проект Дженкинса — взвешенная теоретическая социологизация бартианской революции в антропологии. Дженкинса можно отнести к важнейшим предтечам когнитивного поворота, но собственно когнитивным поворотом его — пусть и сфокусированные на восприятии и категоризациях — исследования, продолжающие страдать группизмом, лишенные строгих методологий и не интегрированные с психологией/когнитивистикой концептуально, назвать нельзя.

Первая попытка объявить когнитивный поворот предпринимается еще одним социологом — Роджерсом Брубекером. Ключевой в этой связи является его статья «Этничность как познание» (Brubaker et al. 2004), ставшая одноименной, третьей, главой его книги «Эт-

ничность без групп» (Brubaker 2004). Указывая на все более центральное место категорий и категоризаций среди объектов исследований этничности, он замечает, что категоризация — один из важнейших концептов в когнитивных исследованиях в целом, и «без категорий мир был бы “цветущим и жужжащим беспорядком”; в котором опыт и действие, как они нам известны, были бы невозможны» (Брубейкер 2012, с. 140). Прослеживая основные подходы к изучению категоризаций в социологических и антропологических исследованиях этничности, Брубекер, однако, указывает на их элитизм, то есть фокусировку на «категоризациях сверху», притом, однако, что социально важной такая категоризация оказывается в том случае, если категоризируемые с ней соглашаются и начинают исходя из нее действовать. Более того, отмечает Брубекер, когнитивный поворот — это значительно больше, чем фокусировка на категоризациях — это исследование того, как этничность в принципе мыслится людьми, как соревнуются между собой этническая и неэтнические интерпретации событий и проч. Конкретнее, согласно Брубейкеру, в фокусе когнитивизированных исследований этничности должны быть помещены «процессы классифицирования и категоризирования — формального и неформального <...>; <...> категории и фреймы, вокруг которых организовано социальное сопоставление и социальное объяснение; схемы, скрипты и культурные модели, которые позволяют воспринимать, испытывать или интерпретировать ситуации и последовательности действий <...>; когнитивные смещения в восприятии и переработке информации, которые заставляют нас воспринимать информацию селективно <...>» (Брубейкер 2012, с. 158). Базовые представления о том, как люди мыслят (а следовательно, мыслят и этничность), Брубекер предлагает позаимствовать из когнитивистики как науки, на мышлении фокусирующейся, подчеркивая, что видеть в этом психологический редукционизм не следует, поскольку значительная часть инструментов мышления носят интерсубъективный, социальный характер. Дисциплинарно же он предлагает преодолеть раздел между социальными науками и психологией/когнитивистикой, который существует в том числе из-за взаимной методологической предубежденности (интервью vs. эксперименты как идеальные типы методов в соответствующих дисциплинах). Формулирует он и девиз когнитивного поворота: «этничность — это не вещь в мире, а взгляд на мир», указывая на то, что группистским онтологиям, в рамках которых по-разному называемые этнические группы оказывались в фокусе исследований, должна прийти на смену этничность как мыслительная рамка, способ интерпретации реальности. Но как именно проводить исследования после когнитивного поворота? И какими могут быть объяснительные модели в этой — обновленной — парадигме? На эти

вопросы Брубейкер не дает ответа, предоставив это право следующему поколению исследователей, ключевым среди которых стал Андреас Виммер.

Проект Виммера (Wimmer 2013) — это, с одной стороны, более детальная теоретизация конструктивистских исследований этничности, с другой — их эмпиризация и некоторая (пусть и не абсолютная) методологизация. Заимствовав у Барта метафору границы, Виммер уточняет, что — на индивидуальном уровне — она обязательно функционирует в двух измерениях: категориальном и поведенческом, и оба этих измерения оказываются связаны со своим типом когнитивных схем. Эта когнитивизация, однако, затем почти не используется для — в остальном впечатляющего — теоретического моделирования, целью которого является описать вариации этничности в разных контекстах и объяснить его. Это объяснение Виммер предлагает осуществлять с использованием двух широких типов социальных явлений: институтов и сетей. Институты ответственны за воспроизводство структур распределения, неравенства и интереса, сети — за воспроизводство социальных миров, представлений, лояльностей, ресурсов и проч. В определенных конструкциях интересов и институтов акторы будут мотивированы выбирать те стратегии производства границ, которые позволят претендовать на больший ресурс, — защищая свое (социальное закрытие) или, наоборот, пытаясь заполучить чужое (некоторые версии нациестроительства). Иногда, кроме того, акторы будут более или менее согласны в отношении существующих границ (консенсус), иногда — будут разворачиваться классификаторные войны, в которых акторы, занимающие разные позиции в социальной структуре, будут настаивать на своей версии границ, а в результате победят более ресурсные и сплоченные коалиции индивидов (сети). Эти концепты-переменные позволяют описать и объяснить и динамику границ — меняющиеся по тем или иным причинам институты и сети влияют на индивидуальные интересы и стратегии производства границ, и это (в логике теории структурации Гидденса), в свою очередь, меняет институциональную и сетевую структуры. Виммер, однако, не ограничивается теоретическими моделями и схемами, и описывает ходы по операционализации границ и описанных выше теоретических моделей. Методологии, в которых он работает, вариативны и сложны. В частности, например, он — в соавторстве с аналитиками сетей (Lewis et al. 2008) — осуществляет исследование сетей дружб между учащимися колледжей, в том виде, в каком они предстают в фейсбуке (фейсбук принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной в РФ), при этом сети эти строятся как на основании того, кто у кого состоит в друзьях, так и на основании появлений на совместных

фотографиях. Статистические методы, позволяющие отделить т.н. бейзлайновую гомофилию от инбридинговой, дают возможность посчитать, насколько дружба с представителями своей этнической категории объясняется простым наличием таких людей в окружении или же речь идет также и об этнических преференциях. Непосредственно же когнитивный язык и соответствующая модель используется в рамках описания другого эмпирического исследования, посвященного этнически смешанным районам в Швейцарии (Wimmer 2013, pp. 113–138). В этом исследовании Виммер с коллегами на основании глубинных интервью изучает классификаторные схемы и скрипты действия в четырех мигрантских районах четырех швейцарских городов. Согласно результатам, этнические различия *per se*, хотя и являются одним из способов классификации и описания людей, лишь в небольшой мере объясняют происходящее (фактические классификации и дружбы) в районах. Структурируется же она вокруг схемы, которую исследователи назвали «порядок». Эта схема базируется на основной проговариваемой ценности местного рабочего класса, которой могут соответствовать одни мигрантские группы населения и не соответствовать другие. Это исследование из всех описанных Виммером наиболее эксплицитно когнитивизировано, но скорее кроме декларации того, что речь идет о когнитивных схемах, когнитивный теоретический аппарат для этого исследования не привлекается, а кроме того — Виммер ни в статье, ни в книге не описывает, как именно анализировался массив интервью и как из них дистиллировались когнитивные схемы. Таким образом, Виммер инкорпорировал в свои исследования этничности некоторые идеи и концепты из когнитивной социологии, однако далее не продвинулся, и невысокая степень проникновения этой когнитивизации в исследовательские дизайны не позволяет сказать, что когнитивный поворот Виммером был реализован.

Указанными исследователями совокупность авторов, сделавших вклад в упрочение конструктивистской рамки и когнитивизацию исследований этничности, не исчерпывается, но сопоставимые по качеству и влиянию конструктивистские работы, проекты и программы, посвященные этничности, датированные 2000 годом и позже (например, связанные с именами Чандры (Chandra 2012), Лэйтина и Ферона (Fearon, Laitin 2003) и других), еще менее эксплицитно когнитивизированы, чем проект Виммера. Таким образом, на начало 2020-х когнитивный поворот в исследованиях этничности, объявленный Брубейкером в качестве важнейшей повестки дня за 20 лет до того, так и не был осуществлен — ни на уровне концепций, ни на уровне отдельных методологий и исследований. Именно такое положение вещей стало отправной точкой для проекта автора статьи.

Этнические когнитивные схемы как объект исследования этничности после когнитивного поворота

Итак, когнитивный поворот — это теоретико-методологическая инновация, которая, на новом витке взаимодействия между когнитивными и социальными науками, предлагает осуществить междисциплинарный синтез и на этой основе по-новому посмотреть на этничность. В огромной степени сама возможность его осуществления применительно к этничности — это функция от пролиферации направления, известного как когнитивные социальные науки (прежде всего социология, но также — антропология). Обзору этого направления посвящена другая статья в этом специальном номере (Серебренников, Варшавер 2026), здесь лишь следует отметить, что при уже сложившемся каноне работ и авторов говорить о четких общепринятых концептуализациях и эмпирических решениях преждевременно, скорее на данный момент направление представляет собой лабораторию, где пробуются разные способы обозначить когнитивное и исследовать его. Тем не менее можно говорить о частотных и фундированных теоретически концептуальных решениях. Так, распространенным концептом и одновременно объектом эмпирических исследований является когнитивная схема. Будучи создан в недрах ранних наук о мышлении (Bartlett 1995 (1932)), этот концепт сначала получил широкое распространение прежде всего в когнитивистике, однако затем — на фоне критики — он стал использоваться реже. Параллельно с этим, однако, он был трансплантирован в когнитивную социологию, и сформировался ряд собственно социологических пониманий этого термина. Во влиятельной работе Бутылина и Сотер с уточнением, что социология имеет дело со схемами коллективными или культурными (то есть рядоположенными классическим социальным фактам), такие схемы определяются как *«социально разделенные репрезентации, расположенные в автоматической когниции»* (Boutyline, Soter 2021, p. 728). Именно это — широкое — определение, данное в т.н. коннекционистском (связь между репрезентациями) ключе, стало рабочим для исследований, проведенных автором, и используется в данной работе.

Как, однако, можно изучать культурные схемы в поле? Когнитивная социология дает ряд ответов на этот вопрос (Серебренников, Варшавер 2026), однако каждый из них оказался объектом критики и не может считаться финальным. В конечном счете задача операционализации схем — объективно сложная по ряду причин. Во-первых, схемы определяются на высоком уровне абстракции и не имеют очевидного материального коррелята (нейроны и их сети таковыми, как считается, не являются). Во-вторых, далеко

не все ясно с «автоматической когницией» — ставшая популярной в когнитивной социологии двупроцессуальная модель (Vaisey 2009) по-разному описывает соотношение и взаимодействия между автоматическим и неавтоматическим мышлением, но скорее понятно, что определяться просто через «расположение» в «автоматической когниции» не может ничего, отчего и представленное выше определение не может считаться финальным. Тем не менее — при всей неопределенности термина и способов его операционализации — именно культурные когнитивные схемы являются наиболее очевидным концептом для операционализации в социологических исследованиях после когнитивного поворота.

Следующая часть работы состоит в описании вариантов регистрации и объяснения схем в исследованиях этничности. Для краткости они будут называться этническими схемами и определяться как *культурные когнитивные схемы, одним из элементов которых является этничность*, а этничность, в свою очередь, будет определяться, как и в других работах автора (Варшавер 2024a, 2024b), как *организация различий вокруг категорий, членство в которых преимущественно наследуется*. Важно, что в этом случае то, что различие (или различение), которое неизбежно помещается в центр определения — в логике 4E мышления, о которой будет сказано ниже, — может быть категорией, действием, символом, предметом и проч. Важно и то, что эта линия определений является рабочей, как и прочие концептуализации на этом этапе развития области, а сами проекты, представленные ниже, осуществлялись в логике когнитивного поворота, но в их непосредственном артикулируемом фокусе далеко не обязательно были именно схемы — они скорее являются общим знаменателем для того, чтобы рассказать об исследованиях и предложить способы изучения этничности после когнитивного поворота. Ниже эти проекты будут коротко излагаться с фокусом на методологических решениях по операционализации схем. В дискуссии будет показано, что именно стало известно на основании этой серии исследований в целом, а также предложены направления и методологические ходы, которые было бы полезно использовать в будущем.

Эмпирической базой этих исследований послужили проекты, реализованные под руководством автора статьи с 2022 по 2026 год. Это были как масштабные всероссийские исследования, выполненные в смешанной методологии, так и проекты, сфокусированные на одном из трех регионов России — Москве, Республике Дагестан и Республике Башкортостан. Для описания, однако, могли быть взяты отдельные этапы соответствующих проектов. Применительно к каждому из проектов — в сноске — будет описана методология сбора и анализа данных, а также статьи и другие работы, в которых результаты излагаются детальнее. В случае, если речь идет о под-

проекте проекта, методология которого излагалась выше, это будет отдельно указано, но также добавлены детали, специфичные для данного подпроекта.

Как обнаружить и описать этническую схему?

Кто является частью российского общества и как можно стать его частью: регистрация этнических схем посредством интервью

Когнитивные схемы и этнические схемы в частности — сложный и неочевидный объект для эмпирического исследования. К нейронам и нейронным сетям когнитивные схемы свести нельзя, а проявляются схемы только через другие явления — реакции, действия и проч. Как тогда возможно пронаблюдать схемы или как минимум реконструировать их по косвенным признакам?

Одним из базовых методов, который используется для изучения схем, являются классические качественные социологические методы — фокус-группы и интервью (Strauss, Quinn 1997; Lizardo 2017). С ними, однако, связана проблема теоретико-методологического характера, а именно — как различить коллективные представления, на описании которых традиционно фокусируется социология, и собственно культурные схемы. Коллективные представления регистрируются через разнообразие вербальных методов, в том числе интервью. Могут ли таким же образом исследоваться схемы, которые обычно (и по определению выше) связываются с автоматическим мышлением? Согласно современным представлениям (Tomasello 2003; Evans, Stanovich 2013), однако, относить речь и язык чисто к мышлению Типа 2 (делиберативному, рефлексивному) — неверно. В связи с этим и интервью/фокус-группы можно с оговорками отнести к инструментам, за счет которых осуществляется доступ к когнитивным схемам.

Масштабное исследование этнической схемы россиян, определяющей то, как «они» могут стать «мы» (и тем самым — определяющей также и «мы»), было осуществлено в 2024–2026 годах[1]. В рамках качественного его этапа было проведено 40 фокус-групп и 100 глубинных интервью в пяти регионах России. Была осуществлена тематическая кодировка транскриптов, а коллективный анализ предполагал дистилляцию сначала отдельных репрезентаций и связок между ними в закодированных фрагментах, затем — реконструкцию индивидуальных этнических схем, и в результате —

1 Методология и результаты этой работы представлены в (Варшавер и др. 2024а). Автор благодарит Н. С. Иванову, Т.Д. Егорову и А.А. Орлову за участие в сборе и анализе данных.

их типологизацию и обобщение. Основным результатом анализа собранных данных стало описание этнической культурной схемы, лежащей в основании представлений о национальном «мы», о критериях членства в нем и путях, посредством которых можно стать его частью. Визуализация этой схемы представлена на Рисунке 1.

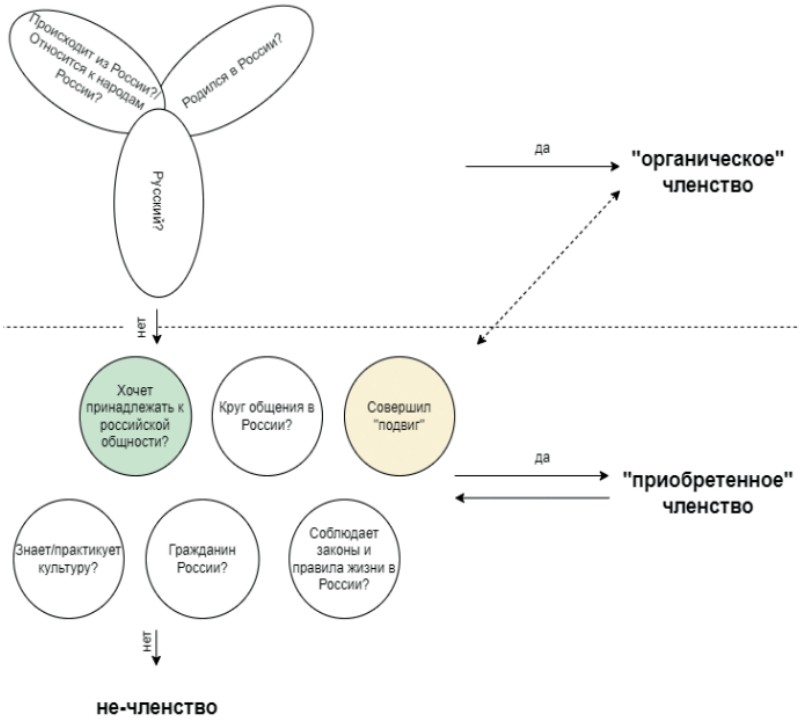

Рисунок 1. Этническая культурная мы-схема, описывающая «членство в российской нации» и «возможность вступления в нее»
Figure 1. Cultural us-schema of ethnicity, depicting the “membership in Russian nation” and the “possibility of its acquisition”

В рамках этой схемы членство в российском обществе может быть двух типов — органическое и приобретенное, но граница между ними не является четкой, и член российского общества определяется через идеальный прототип: родился в России, относится к народам России (предки по восходящей линии жили в России), русский. Девиации от этого прототипа с тремя лепестками делают конкретные случаи более проблематичными, но скорее не позволяют отказать в членстве. В частности, русский, родившийся в Латвии (одна из виньеток, включенных в гайд), — часть российского общества, потому что он русский, а его предки — скорее всего откуда-то с тер-

ритории России. Но и чернокожий, родившийся в России, — тоже часть российского общества, потому что, скорее всего, как минимум некоторое время в России он прожил, а значит, «впитал культуру». Тем не менее в некоторых случаях звучали и оговорки, относящиеся к блоку требований к людям, базово («органически») не являющимся частью российского общества. Как, однако, устроено такое приобретенное членство?

Если человек не обладает характеристиками органического члена российского общества, он может стать его членом, но как бы оказывается «под наблюдением», которое регистрирует следующие аспекты его поведения: он знает/практикует культуру, он получил российское гражданство, он соблюдает законы и правила жизни в России, его круг общения в России.

«Конечно, если он жить к нам приехал, он должен с нами считаться, с нашими правилами, законами <...> Но главное, самое главное, доча, я не люблю непорядок, непорядочные были. А чтобы закон соблюдали, тогда почему бы нет? Пускай живут».

Следует отметить, что представления о том, какую культуру нужно знать, а также каковы правила жизни в России, также не являются четкими и определенными. Важнее всего, однако, собственно желание человека быть частью российского общества, которое, согласно представлениям, потянет за собой выполнение критериев, описанных выше. Есть, впрочем, один критерий, являющийся коротким путем в членство в российском обществе, который позволяет не рассматривать круги общения и поведение кандидатов в членство «под микроскопом». Это подвиг:

«То есть, я думаю, что, наверное, чернокожему достаточно сложно искренне стать частью русской культуры. Но при этом, безусловно, в каких-то обстоятельствах, в каком-то отдельно взятом случае он может это сделать. <...> Даже я знаю, что у Пригожина воевал чернокожий и погиб героически. Поэтому... Почему он не русский? <...> Безусловно».

Приобретенное членство отличается от органического тем, что приобретенное — если человек перестает удовлетворять обозначенным выше требованиям — можно отозвать. В частности, если он нарушает законы и нормы или общается только со своими, или почему-то так и не получил гражданство — согласно этой схеме, частью российского общества он быть перестает. Преступники с приобретенным членством — должны быть отправлены «к себе домой», но если преступление совершит органический член российского общества — идеи исключать его из членов российского общества у информантов не возникало.

Так выглядит вербальное описание этнической культурной мы-схемы россиян. Каково соотношение между членством в российском обществе как культурной схемой и социальным институтом

гражданства? В том или ином виде этот вопрос также обсуждался в ходе интервью и фокус-групп. В описанной схеме гражданство — лишь один из критериев членства в российском обществе, при этом не самый важный. Он не относится к определяющим критериям органического членства и является лишь одним из критериев приобретенного членства — уступая желанию быть частью российского общества, соблюдению законов и правил и проч. Тем не менее сама по себе эта схема и институт гражданства похожи. Так, большинство граждан стали гражданами автоматически, унаследовав этот статус у родителей, однако можно стать гражданином, и удовлетворив некоторым критериям. И хотя до определенного времени приобретенного гражданства по закону нельзя было лишить, в последние годы это стало происходить достаточно часто. Более того, можно предположить, что институт гражданства в России дрейфует в направлении этой — описанной выше — культурной когнитивной схемы.

Методологически же — если только принять ряд описанных выше ограничений и неопределенностей — реконструкция когнитивных схем посредством интервью и фокус-групп продолжает быть одним из инструментов исследований этничности после когнитивного поворота. Проведенная выше реконструкция описывает именно культурные схемы — социально разделенные репрезентации, касающиеся этничности, — однако где они содержатся и какой тип мышления в данном случае задействован — вопрос открытый. В данном случае, однако, поскольку метод базируется на разговоре, концептуально и методологически сложно различить схемы и дискурс — внешнюю социальную языковую реальность. Но есть ли, если оставаться на территории качественной социологической методологии, более прямые и валидные способы исследования схем? В следующем фрагменте речь пойдет о методе элицитации и о проекте, выполненном на его основе.

В Москве две национальности: славяне и южане? Регистрация этнических схем посредством элицитации

Проект, о котором пойдет речь, был осуществлен в 2024 году в Москве. Методологическим ядром проекта стала т.н. элицитация. Элицитация, как следует из названия, это «куст» методов, в рамках которых исследуемым предъявляется тот или иной стимул и, с разной степенью формализации, изучается реакция на него. В данном случае элицитация осуществлялась в режиме качественного квазиэксперимента, в рамках которого информантам или показывались видеоролики, предварительно снятые в московской повседневности (метро, торгово-развлекательные комплексы, учебные заведения) и предлагалось определить, к какой этнической группе относятся продемонстрированные люди (видеоэлицитация), или тот же вопрос задавался относительно людей, окружавших инфор-

манта и интервьюера во время интервью, которое специально для этого проводилось в людном месте (он-сайт-элицитация, см. Рисунок 2). Всего было собрано 41 интервью[1], элицитационная его часть сопровождалась подробной биографической частью, на основании которой затем делались предположения относительно того, почему используются те или иные способы категоризации. Кроме того — обычно до элицитации — задавался вопрос «какие этнические группы живут в Москве?». Ответ на этот вопрос был необходим для сравнения между собой фактических классификаторных схем и номинально известных этнических категорий. Как и в исследовании, описанном выше, осуществлялся коллективный анализ транскриптов интервью и записей видео с последовательной фиксацией используемых категорий, индикаторов, затем — реконструкцией индивидуальных схем, а затем — обобщением этих схем и описанием коллективной культурной схемы.

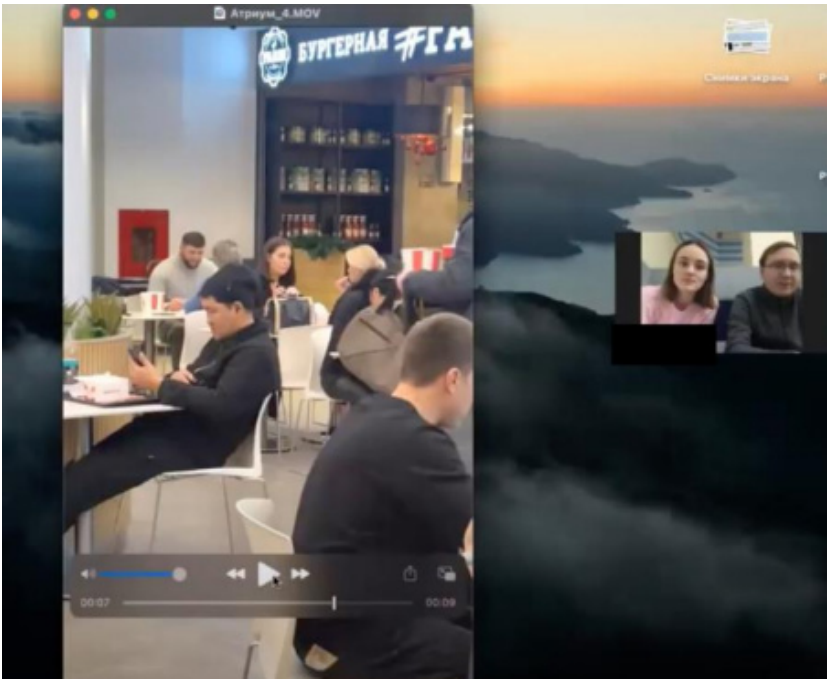

Рисунок 2. Пример скриншота с ходом элицитационного интервью
Figure 2. Example screenshot taken during the elicitation interview

1 Детальная методология и результаты исследования представлены в следующих публикациях: (Варшавер и др. 2024б, 2025). Автор благодарит А.А. Орлову и Ю.В. Гупалову за участие в сборе и анализе данных.

Исследование показало, что базовая схема, на основании которой в Москве осуществляется категоризация, различает два типа людей, которые — с вариациями — обозначаются как «славяне»/«русские» и «южане», при этом последние могут делиться на «азиатов» и «кавказцев»:

«Окей, у него... вот он, типа, азиат. Именно глаза. Глаза и формы лица у него такие щекастые бывают. <...> Мне кажется, это русская. Почему не кавказская девочка? Потому что на Кавказе так не одеваются. Кавказские девушки более собранные. <...> Кавказский мужчина в возрасте более солидно одевается, а тут эпатажно, что-то для подростков».

Схема эта воспроизводится большинством информантов, вне зависимости от того, к какой категории в ее рамках каждый может быть отнесен. Так, приведенная выше цитата взята из интервью с 29-летним аварцем, родившимся в Махачкале. Информантам известна и классификация по национальностям, которую они пытались воспроизводить, когда, до или после элицитации, им задавался прямой вопрос — какие национальности живут в Москве. Зачастую эта классификация воспроизводится ими в виде перечисления, очень примерно ранжированного по численности и, по всей видимости, отсылающего к разного рода спискам, бытующим в статистических справочниках, школьных учебниках и на страницах Википедии:

«Ну самые разные живут. Это русские. Кого у нас много? Татар, башкир. Татары, башкиры, что еще. Немного белорусов, украинцев немного...»

Многие, кроме того, перечисляют и свою категорию идентификации, а также видят ее представителей в ходе элицитации[1], однако в отношении всех остальных людей используется именно описанная базовая — бинарная/тернарная — схема. С чем может быть связано ее преимущественное использование? Казалось бы, очевидная причина — это различительная мощность системы индикаторов, которая позволяет эффективно видеть три категории, но почти не дает возможности сделать обоснованное предположение о более детальных различиях. Но вероятно и другое: как следует из теории самокатегоризации (Turner, Onorato 2014) и ее социологических расширений (Варшавер 2025, 2026), этнические (а равно и любые другие) схемы используются и в целом существуют до тех пор, пока они оказываются полезны для тех, кто прибегает к ним для категоризации, и, если различение действительно важное, те или иные индикаторы для определения, кто относится к какой категории, будут найдены. Полезность обнаруженной в ходе исследования базовой

1 За счет каких механизмов это может происходить, см. другую статью этого тематического номера — (Айтжанов, 2026).

схемы завязана на важных для московской повседневности режимах безопасности, компетентности и просоциальности. Так, «кавказцы» могут считываться «славянами» как небезопасные, а «среднеазиаты» (а иногда и «кавказцы») — как некомпетентные; самим же «кавказцам» и «южанам» эта же схема позволяет, например, определить людей, к которым можно обратиться за помощью, сославшись на общие культурные ценности. Список такого рода «функций» может быть продолжен и должен быть исследован отдельно.

Важно, что конкретные категории, которые используются для обозначения людей в рамках базовой схемы, существенно варьируются и носят ситуативный характер. Так, сложилось впечатление (точно говорить об этом не позволяет дизайн исследования), что, если вопрос о том, какие этнические категории живут в Москве, задавался до элицитации (да и в целом), для вербализации элементов базовой схемы чаще использовались категории из «списка национальностей». Мигранты из Центральной Азии для «славян» могли быть «таджиками» или «таджиками-узбеками», притом что сами информанты могли признать, что знают про различия между национальностями, но не различают их представителей, и, более того, делать такое различение им обычно не нужно.

Категоризация «славяне/южане», таким образом, является не четкой вербальной классификацией людей, а скорее указанием на этническую культурную схему. Аргументом в пользу этого является и то, что этим различением довольно быстро овладевают недавние мигранты из дальнего зарубежья, которые плохо знают русский язык и — поначалу с очевидными ошибками — но обучаются понимать, представителей какой из этих двух категорий они встречают в повседневности.

Элицитационные интервью, таким образом, позволяют выйти на когнитивные схемы более прямо, чем традиционное интервью. Если же говорить о содержательных результатах исследования — была обнаружена и описана схема, которая на самом деле используется людьми для различения и ориентации в общественных пространствах Москвы, и эта информация затем может стать более реалистичной базой для социальных интервенций и государственного/муниципального администрирования. Качественные методы, однако, по определению не являются точными, и постепенно становилось понятно, что нужны иные — более надежные — инструменты исследования схем. В этой связи было решено обратиться к количественным методам.

Этничность в Башкортостане: регистрация этнических схем посредством тестов на ассоциации, интегрированных в опрос

Используемый в этой работе коннекционистский подход к определению схем предполагает, что схемы — это сеть репрезентаций,

то есть идей, «картинок в голове» или категорий, базово отдельных друг от друга, но соприсутствующих в интериоризированных коллективных представлениях/репрезентациях. Наиболее прямой способ операционализации такой сети — это изучение ассоциаций. В когнитивно-социологической традиции, однако, возможности такого подхода к операционализации используются лишь частично. Обращаясь к разным вариантам замера имплицитных ассоциаций (Hunzaker, Valentino 2019), традиция пренебрегает более очевидным способом — замером ассоциаций эксплицитных. Вместе с тем в психолингвистике такие замеры проводятся с давних пор, и существует ряд специальных техник для этого, среди которых тест слов-ассоциаций (WAS) и метод свободных ассоциаций (FAM) (Lo Monaco et al. 2017). Эти техники предполагают, что респонденты самостоятельно формулируют ассоциации к предложенным словам или иным стимулам, и наиболее частотные ассоциации — в связке со стимулами — и будут являться фрагментами культурных когнитивных схем.

В ходе проекта, посвященного этничности в Башкортостане[1], было решено исследовать как эксплицитные, так и имплицитные ассоциации, а затем определить, как одно связано с другим. Сначала — в ходе качественных интервью — информантов просили назвать ассоциации с этническими категориями, а также с разного рода предметами и явлениями. Иногда информантам также демонстрировались стимулы (например, показывалось женское нагрудное украшение хакал или ставилась популярная песня «Хомай») и предлагалось описать «картинки в голове», которые в этой связи возни-

1 Проект был осуществлен в 2025–2026 гг., на его основе было подготовлено две публикации (Варшавер и др. 2027; Varshaver and Ivanova 2027). Сбор данных состоял из двух этапов — качественного и количественного. В ходе качественного этапа было собрано 73 интервью, длительностью от 32 до 219 минут, средняя длительность интервью составила 103 минуты. Сначала интервью осуществлялись в Уфе, затем — в районах (Благоварский, Балтачевский Хайбуллинский и Белорецкий районы Башкортостана, Бардымский район Пермского края). Выдерживались возрастные, гендерные и номинально-национальные квоты, а также реализовывался принцип наибольшего разнообразия. В ходе количественного этапа был осуществлен кросс-секционный онлайн-опрос. Данные собирались в онлайн-интерфейсе (конструктор Анкетолог). Респонденты заполняли анкеты самостоятельно. В исследование включались респонденты, удовлетворяющие критериям: возраст старше 18 лет, согласие на участие, опыт проживания в Республике Башкортостан не менее двух лет. После очистки и применения критериев качества в итоговый массив данных вошло 1107 респондентов. Автор благодарит К. Д. Ескина, С. М. Айтжанова и Н. С. Иванову за участие в сборе и анализе данных.

кали. На основании интервью были выделены наиболее частотные ассоциации разного характера. Так, среди ассоциаций с категорией «башкиры» были предметы-символы (например, курай), люди (прежде всего Салават Юлаев и Минигали Шаймуратов), «национальная» одежда и украшения (хакал, тюбетейка, шапка с мехом), пищевые продукты (бешбармак, кумыс, чак-чак, баурсак, мед), животные (лошадь), «национальная» музыка и танцы, оружие (лук, стрелы) и др. Возникали у информантов и более цельные образы. Так, одна информантка описывала, как она скачет на коне по степи «без рук» (чего в жизни она никогда не делала), другая — как летит над горами и лесами. Некоторые упоминали события из прошлого, образы родственников и проч. Качественный этап, однако, позволил сделать лишь очень приблизительные выводы относительно частотности ассоциаций, а значит, и культурных схем, и скорее послужил пилотом для опроса, осуществленного на второй стадии исследования.

В опросе для начала респондентам предлагалось — в свободной форме — вписать в пустые строчки ассоциации первого и второго порядка с тремя этническими категориями («русские», «татары», «башкиры»). Под ассоциациями первого порядка понимались непосредственные ассоциации с категориями, под ассоциациями второго порядка — ассоциации с ассоциациями первого порядка. Затем им демонстрировались изображения с памятником Салавату Юлаеву в Уфе и хакалом (женским нагрудным украшением), и процедура повторялась (Рисунок 3). Была, кроме того, организована ротация блоков, то есть одной части респондентов сначала предлагалось дать ассоциации с национальностями, а потом — с изображениями, другой — наоборот.

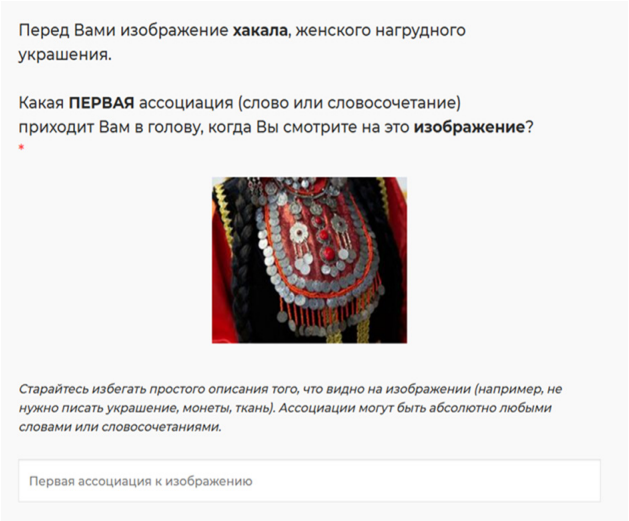

Рисунок 3. Изображения, использованные в опросе с заданием к ним
Figure 3. Images used in the survey and tasks that accompanied them

Первое аналитическое действие состояло в том, чтобы создать список наиболее частотных ассоциаций, которые были предварительно лемматизированы. Затем ассоциации были представлены с разбивкой по номинальной национальной принадлежности респондентов, в результате чего можно было выявить и смещение, появляющееся вследствие того, что дать ассоциации предлагалось к категории идентификации респондентов (Таблица 1).

Таблица 1. Ассоциации с этническими категориями (наиболее частотные)
Table 1. Associations with ethnic categories (most frequent)

Башкиры		Русские		Татары	
Ассоциация	N	Ассоциация	N	Ассоциация	N
		К башкирам			
гордость	33	Башкортостан	58	Башкортостан	28
родной	17	родина	31	лошадь	21
семья	15	мед	29	кочевник	19

мед	14	Салават	26	мед	17
свой	14	курай	23	юрт	14
		К русским			
Россия	48	Россия	88	Россия	32
страна	19	гордость	43	весь	11
гордость	18	страна	30	родина	11
большой	13	великий	29	сила	11
великий	13	родина	29	сильный	11
		К татарам			
Казань	33	Казань	60	Казань	25
хитрый	24	чак-чак	34	родной	22
чак-чак	20	язык	30	свой	18
соседи	18	хитрый	29	семья	17
хитрость	13	соседи	27	гордость	14
		К хакалу			
красота	58	украшение	84	красота	69
украшение	37	красота	80	украшение	56
башкирский	25	национальный	80	национальный	45
традиция	25	традиция	71	традиция	37
богатство	22	башкирский	43	красивый	24
		К Салавату			
герой	93	герой	120	герой	111

гордость	36	Башкортостан	58	гордость	39
Башкортостан	29	символ	44	Башкортостан	35
народ	23	Уфа	39	национальный	24
национальный	21	национальный	35	воин	23

Согласно результатам, основной ассоциацией с категорией «башкиры» у респондентов является «Башкортостан», но только в том случае, если они русские и татары. Если они башкиры, «Башкортостан» оказывается в чарте лишь девятым, первые же позиции занимают частью маркеры сильной положительной идентификации («свой», «родной», «родина», «гордость», «семья»), частью — более классические ассоциации-стереотипы («мед», «природа»). Маркеры идентификации со «своей» национальностью при этом оказались достаточно универсальными во всех трех подгруппах. Так, татары также ассоциируют с категорией «татары» такие слова, как «родной», «свой», «семья» и «гордость». Представлена эта семантическая линия и среди слов, которые ассоциируют с категорией «русские» те, кто с этой категорией идентифицирован, с той небольшой разницей, что эти слова оказываются вытеснены семантикой величия, связанной с Россией. Первая ассоциация у них — это название страны («Россия»), затем идут «страна», «гордость», «великий» (все — величие), далее — «родина» и «семья» (идентификация), затем «сила», «мощь» и «сильный» (снова — величие). Нужно, впрочем, отметить, что и у татар и башкир «русские» семантизированы в первую очередь «Россией», а также словами, в той или иной степени означающими величие и силу, этнические же стереотипы — если и присутствуют (например, «медведь»), занимают далеко не первые позиции.

Сходным образом были проанализированы и ассоциации с изображениями памятника Салавату и хакала. Хакал воспринимается в целом достаточно универсально — он семантизирован для респондентов одновременно красотой, народными традициями/культурой и башкирами. Единственное небольшое отличие состоит в том, что и для башкир, и для русских хакал — только и именно башкирский, в то время как для татар (которые, по условиям прохождения опроса, живут или жили в Башкортостане) — он одновременно и башкирский, и башкортостанский. Напротив, Салават в общественном представлении в первую очередь «национальный», башкортостанский (то есть общий для информантов разных национальностей) герой, а его именно башкирские коннотации — даже

в случае башкир — отходят на задний план, занимая лишь 9-е место в башкирском чарте, 17-е в русском и 15-е в татарском.

Помимо этого, компьютерного, способа, ассоциации были закодированы вручную. Применительно к изображению памятника Салавату были выделены следующие коды: герой/героизм, Башкортостан/национальное, башкиры/башкирское, свобода/протесты, Россия/лояльность, связанное с лошадьми, маскулинность, дом/детство/тепло, Уфа/городские топонимы, гордость. Анализ показал, что действительно Салават — это прежде всего «национальный» и «герой» (так были закодированы ассоциации у примерно 40% респондентов), при этом для башкир — он в большей степени башкирский (маркеры, на это указывающие, — более высокая доля башкир, связавших Салавата с башкирами и с национальным в целом, а также с «гордостью», что указывает на «присвоение» символа), татары же чаще, чем остальные, видят в Салавате универсальную, не-национальную маскулинность. Для русских же Салават — в меньшей степени национальный, башкирский и маскулинный и единственная ассоциация с изображением, которая у русских превалирует над представителями других национальностей, — связана с лошадьми.

Параллельно в опрос был включен и более классический для исследований в области когнитивной социологии тест имплицитных ассоциаций (IAT), в котором замерялось то, насколько категория «башкир» у респондентов ассоциируется с лошадьми и горами (ассоциации, обнаруженные в ходе качественного этапа и верифицированные в ходе количественного замера эксплицитных ассоциаций, однако занявшие в рейтинге не самые высокие места). В его рамках респондентам предъявлялись стимулы, которые нужно было распределять по категориям с помощью двух клавиш, а ключевой показатель (D-score) представлял собой стандартизированную разницу скорости нажатия клавиш между связкой, которая, согласно гипотезе, являлась частью схемы (башкиры — лошади; башкиры — горы), и связкой (русские — коровы; русские — болота), которая таковой не являлась[1]. Оба средних значения по результатам

1 В проведенном опросе использовался классический дизайн с семью блоками. В первых двух блоках респонденты отдельно осваивали классификацию двух целевых категорий и двух атрибутных категорий. Затем следовали совмещенные блоки, в которых целевая и атрибутная категории были объединены на одной клавише. После этого менялось расположение одной из пар категорий, и участник выполнял вторую серию нажатий — с обратной конфигурацией. Затем следовала чистка массива на предмет очень быстрого или, наоборот, очень медленного нажатия клавиш, вычислялись средние латентности (скорости ответов) отдельно для каждого из четырех критических блоков (3, 4, 6 и 7) и разности между блоками 3 и 6 и между

вычислений оказались статистически значимо больше нуля[1]. Этот результат следует интерпретировать таким образом, что в целом по выборке в обоих случаях предсказанные имплицитные ассоциации действительно существуют: башкирское, как и предсказывалось, сильнее ассоциируется с лошадьми и с горами, чем русские с коровами и болотами. При этом эффект в первом тесте выражен заметно и значимо сильнее, чем во втором[2], и это значит, что ассоциация «башкиры — лошади» по выборке оказалась сильнее, чем ассоциация «башкиры — горы», однако, переводя это все на язык схем, обе ассоциации в большей или меньшей степени являются фрагментами этнической схемы вокруг категории «башкир».

Как, однако, связаны друг с другом фрагменты схем, выявленных путем замера эксплицитных и имплицитных стереотипов? Для ответа на этот вопрос была исследована связь между наличием «лошадей» и «гор» среди эксплицитных ассоциаций и наличием соответствующей имплицитной ассоциации. Как грубые, так и более тонкие расчеты[3] показали, что статистически значимой связи между таким образом сформированными переменными нет, или,

блоками 4 и 7. Эти разности были разделены на соответствующее, предварительно вычисленное, стандартное отклонение. Итоговый D-score был рассчитан как среднее двух частных стандартизированных разностей. Положительные значения D-score означают более легкую обработку теоретически ожидаемого «совместимого» сочетания, отрицательное — теоретически «несовместимого» сочетания. Для того чтобы выяснить, действительно ли существуют заданные имплицитные ассоциации, были проведены одновыборочные t-тесты.

1 D-score по обоим тестам статистически значимо превышают ноль. Для первого теста средний D-score составил 0,204 ($t = 12,55$, $p < 0,001$), а для второго — 0,094 ($t = 6,87$, $p < 0,001$).

2 Сравнение двух D-score у участников, прошедших оба теста, подтвердило статистически значимое различие между ними: средняя разница составила 0,107, а парный t-тест показал значимый результат ($t = 5,30$, $p < 0,001$).

3 Сначала были проведены t-тесты для двух независимых выборок для сравнения средних значений выраженности (D-score) имплицитных ассоциаций «башкиры — лошади» и «башкиры — горы» в группах по переменной «упоминание лошадей в качестве свободной ассоциации» (1 — было, 0 — не было). Статистически значимых различий между группами зафиксировано не было. Аналогичные результаты показал анализ корреляций Пирсона (для имплицитной ассоциации «башкиры — лошади» $r = 0,0001$, $p = 0,9987$, «башкиры — горы» $r = -0,0142$, $p = 0,7656$). Также значения D-score для двух тестов были дихотомизированы двумя способами: 1) значения $> = 0$ переводились в 1, значения < 0 переводились в 0; 2) значения $> = 0,15$ по модулю были закодированы как 1 (сильная выраженность ассоциации), остальные в 0 (слабая выраженность ассоциации). В обоих случаях значимых различий выявлено не было ($p > = 0,9930$). Таким образом, анализ корреляций и таблиц сопряженности подтвердил результаты t-теста.

иными словами, те люди, которые в качестве ассоциации с категорией «башкиры» спонтанно пишут «лошади» и «горы», — это не те люди, у которых эти связки обязательно присутствуют в качестве имплицитного стереотипа. Это, впрочем, может быть связано как с различием изучаемых теоретических объектов (дискурса и схем или вербальных и визуальных схем), так и с особенностью процедур — то, что среди двух первых ассоциаций с категорией «башкир» нет «лошадей» и «гор», не говорит о том, что эти категории не возникли бы в качестве третьей, четвертой и далее ассоциаций. И в свою очередь — замер ассоциаций, занимающих более высокие позиции в рейтинге эксплицитных ассоциаций, но по методике имплицитных тестов мог бы показать более высокие D-значения. Тем не менее скорее всего оба блока связок — выявленных как эксплицитными, так и имплицитными методами — присутствуют в этнических культурных когнитивных схемах в Башкортостане, свидетельством чего является то, что лошадь фигурирует среди эксплицитных ассоциаций с категорией «башкиры», а также оказывается связана с этой этнической категорией «башкиры» на уровне имплицитных стереотипов.

В какой степени, однако, эти схемы (и их фрагменты) равнопредставлены среди разных категорий жителей республики, или есть категории и группы, среди которых некоторые схемы или их фрагменты циркулируют активнее? Результаты анализа с простой разбивкой на категории идентификации (русские, башкиры, татары) применительно к эксплицитным стереотипам приведены выше, но именно ли национальность обладает наибольшей объяснительной силой в том, что касается распределения типов ассоциаций? Более корректным методом ответа на этот вопрос является регрессионный анализ, осуществленный применительно к некоторым ассоциациям. В этом контексте была произведена попытка объяснить наличие или отсутствие связи между образом Салавата и смыслами свободы/вольницы/протестов на индивидуальном уровне. Была рассчитана регрессионная модель[1], в которой зависимой переменной стало наличие этой ассоциации, а в качестве независимых и контрольных были взяты национальность, сила идентичности, пол, возраст и образование (Таблица 2). Было показано, что ассоциация «Салават — свобода» не возникает у башкир чаще, чем у татар, и важнее для ее возникновения возраст (молодые видят в Салавате символ свободы и протеста чаще), а также сила этнической идентичности (чем сильнее идентификация со «своей» категорией — татарами

1 В данном случае она была рассчитана на множестве тех, кто идентифицировал себя с категориями «татарин» или «башкир».

или башкирами — тем сильнее ассоциация образа Салавата со свободой). Иная картина предстает, если рассчитать регрессионную модель, в которой в качестве зависимых переменных принимается наличие имплицитных ассоциаций «башкиры — лошади» и «башкиры — горы», а независимые переменные остаются те же. Обе эти модели объясняют меньшую долю дисперсии, чем модель с эксплицитной ассоциацией, однако имплицитная ассоциация «башкиры — лошади» статистически значимо чаще встречается среди тех, кто идентифицирует себя с категорией «башкир».

Таблица 2. Регрессионные модели, объясняющие наличие ассоциаций
Table 2. Regression models predicting the presence of associations

Предиктор	Эксплицитная ассоциация: Салават — свобода/ протесты	Имплицитная ассоциация: башкиры — лошади	Имплицитная ассоциация: башкиры — горы
Год рождения (большее значение = более поздний год рождения/ более молодой возраст)	-0,007***	0,016	0,002
Пол (женщина = 1, мужчина = 0)	0,009	-0,088	0,048
Высшее образование (1 = да, 0 = нет)	-0,093	0,115	0,077
Башкирская национальность (1 = да, 0 = нет)	0,015	0,163*	0,14
Сила идентичности (0–3, от слабой к сильной)	0,106**	0,018	0,079
N	278	278	278
R^2	0,092	0,059	0,054

Примечание. Показаны стандартизованные коэффициенты линейной регрессии (β). * p < 0,05; ** p < 0,01; *** p < 0,001.

Таким образом, были зафиксированы и верифицированы элементы этнических когнитивных схем — были выделены кластеры смыслов, которые «сразу приходят в голову» (мышление Типа 1) людям при упоминании национальностей, а также при демонстрации этнизированных объектов. Важно, кроме того, что, если тест имплицитных ассоциаций часто используется в когнитивной социологии, эксплицитные ассоциации в ее рамках почти не замеряются. При этом оба метода являются теоретически обоснованными инструментами замера культурных когнитивных схем.

До настоящего момента речь шла о том, как можно обнаружить этнические схемы и отдельные их элементы в ходе исследования и описать их; следующий шаг — их объяснение в рамках разных объяснительных моделей и концепций.

Как объяснить этнические схемы

Объясняя воспроизводство этнических схем в Дагестане на основании перцептивно-коммуникативных фактов

Когнитивизированный конструктивизм утверждает, что этнические группы или этничность — это не более, но и не менее чем схема, посредством которой мы — время от времени — интерпретируем окружающую действительность. Но как и за счет каких механизмов схемы инсталлируются в мышление? И как в целом они воспроизводятся в обществе? Ответ на этот вопрос — это один из способов объяснения схем.

Когнитивная социология во многом складывалась как ответ на мейнстримный социологический взгляд, согласно которому человек — это проекция культуры, впитанной в ходе социализации и содержащейся внутри него. Уже в одной из первых работ (Swidler 1986) был высказан аргумент против этой модели, согласно которому культура во всем ее разнообразии — это «строительные леса» или «мешок со всякой всячиной», к которому обращается индивид в ответ на вызовы среды, но при этом «находится» культура «снаружи», а «впитывает» человек скорее способы обращения к культуре, а не саму культуру.

Современный взгляд на этот вопрос скорее менее радикален, и находится в логике т.н. концепции 4E-мышления (Newen et al. 2018). Согласно этой концепции, во внешнем мире существуют явления, которые стабильно активируют схемы, но существуют эти явления и в качестве репрезентаций в мышлении, и четкого разделения снаружи-внутри уже не проводится. Впитываются же в процессе социализации и отдельные репрезентации, и связи между ними, и способы реакции на активацию репрезентаций и многое другое. Но как именно это происходит? Как осваивается этническая

классификация, которая — как и многие другие объекты когнитивной социологии — одновременно формализована в институтах и существует в качестве спонтанной категоризационной рамки? И как она воспроизводится в качестве последней? Этому было посвящено исследование, проведенное в Дагестане летом 2024 года.

Данные были собраны методом глубинных биографических интервью. Таких интервью было проведено 100 в 31 локации республики по выборке[1]. В ходе интервью, постепенно проходя по основным этапам жизни информанта с момента, как он себя помнит, интервьюер выявлял элементарные акты коммуникации и восприятия, в которых были задействованы национальности. Такие акты получили название перцептивно-коммуникативных фактов (ПК-фактов) и их обнаружению и описанию во многом и были посвящены интервью и их последующий анализ. Кто-то упоминал национальности при информанте или сам информант определил национальность кого-то другого — такие выявленные ПК-факты затем помещались в отдельную вкладку кейсбука с указанием, где и когда соответствующий факт имел место, а также с резюме-обобщением, в чем ПК-факт состоял. Вот пример описания одного из ПК-фактов, который включает цитату, резюме и информацию о месте и времени:

Информант: Вообще я начал обращать внимание на национальность после того, как я обратил внимание, что мама моя, когда смотрит телевизор, у каждой нации же есть свой диалект. Чуть манера, чуть затягивание или где-то быстро говоришь. Любого можно понять, кто какой нации. Вот так же она начала... Слышите, говорит, кумычка, лезгинка, аварка. По этому диалекту она понимала. Я говорю, как ты понимаешь? Она говорит, у каждой нации есть своя манера разговора. Я потом начал обращать внимание на это, тоже начал угадывать очень рано.

Интервьюер: А это когда было? Именно мама сидела?

Информант: Это где-то 12 лет. Да, мы дома были, телевизор смотрели. 12 лет, да? Где-то мне было лет, наверное, даже нет. 12 лет, получается, пятый класс. Да, где-то 12 лет.

Резюме: Когда информант был в пятом классе, будучи дома, он услышал, что его мама подмечает национальность людей по телевизору по диалекту и комментирует их; после этого он сам стал обращать внимание на национальности и научился угадывать их.

Место, время: Махачкала, 5-й поселок, 1992 год

---

1 Детальные методология и результаты исследования представлены в (Варшавер 2026). Автор благодарит Н. С. Иванову и Т.Д. Егорову за соорганизацию студенческой экспедиции, в ходе которых осуществлялись сбор и анализ данных, а также всех участников этой экспедиции.

Не всегда, однако, удавалось дистиллировать именно событие — информанты могли говорить, что те или иные разговоры или способы восприятия были распространены в тех или иных средах в некоторый период. Такой факт — по контрасту с ПК-фактом, описанным выше и классифицированным как ПК-факт-событие — обозначался как ПК-факт-обобщение. Вот пример описания такого ПК-факта:

Цитата: Если честно сказать, как нам эти уроки давали учителя. Мы же особо не сталкивались с другими нациями. Мы же лакцы, только дети. До такой степени красиво нам преподносили (эту информацию) учителя, (что потом) ночью мечтаешь увидеть (представителей этих национальностей). Рассказывали нам, чем они занимались из поколения в поколение, чем занимались даргинцы — там, гончарники. Занимались, ходили куда-то. Тогда же транспорта тоже не было. Пешком, на ишаках, на ослах. На чем попало ездили. Кто что мог, делали руками, руками кустарно. Чего-то делали, зарабатывали деньги. Чтобы свою семью накормить. Когда-то. И нам это преподносили. У нас то, что единственная мечта была увидеть аварца, даргинца, табасаранца, лезгина, кумыка, ногайца. Знаете, почему было интересно? Потому что у них свой язык. А культура-то одна. В итоге культура одна. Культура и воспитание, и религия, и все в целом одно.

Резюме: В школе был предмет — культура народов Дагестана, где рассказывалось про культуру и быт дагестанских национальностей. Рассказывалось завлекательно, отчего информант и его друзья мечтали увидеть аварцев, даргинцев, табасаранцев и прочих.

Место и время: село Кая, Кулинский район, середина 1980-х

Всего из 100 интервью было извлечено 1104 ПК-факта обоих типов, самый ранний из которых датирован 1943 годом, в основном же они относились к последним четырем десятилетиям. База данных с ПК-фактами была закодирована тематически, на основании чего были сделаны выводы о типичных ситуациях, в которых национальности коммуницировались и использовались в качестве инструмента восприятия в позднесоветском и постсоветском Дагестане. На основании этого получилась следующая история индивидуального освоения и коллективного поддержания национальностей как культурной когнитивной схемы.

В раннем, дошкольном возрасте дагестанцы обычно сначала встречаются с реальным культурным (чаще всего языковым) разнообразием. Если речь идет о горных селах, в них могут приходить торговцы, которые говорят на непонятном языке, если о городе — к соседям по многоэтажке приезжают гости, которые не говорят по-русски. Это вызывает вопросы у детей, которые они задают взрослым (обычно родителям), и взрослые впервые сообщают детям, что «это даргинцы, у них свой, даргинский, язык» или, шире, что в Дагестане живут разные национальности и у каждой — свой язык. Не всегда и не только именно язык становится триггером для

таких разговоров. В одном из сел Цумадинского района таковым стало то, что геологи, которые занимались разведкой неподалеку, были одеты в шорты — в селе так одеваться было не принято, и детей это удивило. Им было сказано, что это русские, у которых другие традиции. Иногда, впрочем (как в приведенном выше примере ПК-факта-события), сначала ребенок от взрослых слышит этнические категории и пытается выяснить, что они обозначают, потому что до того слов таких не слышал. В целом, однако, к поступлению в школу у большинства дагестанцев накапливается опыт реального разнообразия, они знают некоторые этнические категории, а также имеют опыт соотнесения этих категорий и конкретных людей. Вместе с тем общая картина — обобщенная, нарративизированная конструкция этничности — им на тот момент еще неизвестна.

Полноценная конструкция, согласно которой «в Дагестане живет N народов, каждый из которых обладает уникальной культурой и языком, при этом народы эти живут в мире», сообщается им уже в школе. Во-первых, это происходит на уроках — в рамках учебных программ по предметам или классных часов (в последнее время эта конструкция стала транслироваться в ходе «Разговоров о важном»). Во-вторых, в школе проводятся мероприятия фестивального типа, в которых каждый ученик представляет ту или иную национальность: «свою», в том случае если класс полинациональный (чаще — на равнине и в городах), и одну из «не-своих», если класс мононациональный. В ходе таких мероприятий школьники декламируют стихи на соответствующем языке, исполняют «национальные» танцы и/или приносят в школу блюда кухонь, связанных с той или иной национальностью. Другой типичной коммуникацией в школе, через которую реальность национальностей интериоризируется, является распределение школьников по урокам «родного» языка, которое происходит зачастую на основании номинальной национальности. Некоторые информанты говорили, что только в этот момент и осознали, что у их одноклассников есть национальности. Помимо этого, национальности могли присутствовать в школе и в качестве административной реальности — в классном журнале национальность могла вписываться рядом с фамилией школьника, для чего время от времени устраивались переклички, в ходе которых свою национальность нужно было сообщить. Отражением этой практики были и неформальные анкеты в специальных тетрадях, в которые школьники — наряду с любимым цветом и любимым исполнителем — вписывали свою национальность. Таким образом, притом что в горах это знание носит более абстрактный характер, а на равнине и в городах — более эмпирический, к окончанию школы дагестанцы

выучивают нарратив о многонациональности и в целом принимают к сведению, что каждый дагестанец обладает национальностью.

Окончив школу, дагестанцы в основном — на тот или иной период — покидают родной населенный пункт, отправляясь, например, учиться в техникум или университет. В новых контекстах именно национальности оказываются рамкой, посредством которой они пытаются эти контексты осмыслить. В этой связи выделяются две типичные интеракции. Во-первых, национальности оказываются информацией, которая сообщается или выясняется при знакомстве (иногда сразу, иногда чуть позже, иногда — о национальности не говорят, но активно считывают ее по косвенным признакам). Во-вторых, национальности вновь оказываются элементом минимального административно-документарного описания людей или его вернакулярной имитации. Один из информантов рассказал, как в первый день учебы в ДГПУ в 1975 году — самими студентами — по аудитории был пущен лист, в который надо было написать свои имя, фамилию, район и национальность. Такого типа знакомства и административная фиксация характерны не только для учебных заведений, но и для рабочих мест. Этот период, кроме того, оказывается решающим в отношении того, насколько каждый конкретный дагестанец затем будет использовать этническую классификаторную схему на практике: каждая национальность связана с определенными стереотипами, и если на первых порах они будут подтверждаться, вероятность того, что эта схема будет использоваться дальше в жизни, — высока. Использоваться она, впрочем, будет как нечто вроде статистической модели небольшой предсказательной силы — жених-аварец может насторожить родителей, потому что аварцы считаются резкими, но брать в качестве бухгалтера даргинца просто потому, что «даргинцы деньги любят и умеют с ними обращаться» — никто не станет.

Это описание помогает понять, с помощью каких ПК-фактов национальности воспроизводятся как классификаторная рамка. Но почему, несмотря на то что эта категоризация изначально была довольно грубой и едва ли объясняла реальное культурное разнообразие, которое с тех пор еще больше снизилось, воспроизводство продолжается? Почему национальности не отмирают в качестве классификаторного признака, притом что на жизнь они влияют не сильно? Базовый ответ на этот вопрос состоит в том, что, не будучи жизненно важной (а значит, регулярно тестируемой на пригодность), эта классификация воспроизводится в управленческих практиках в широком смысле — национальности продолжают фиксироваться в некоторых личных документах и списках, присутствуют в символических рядах, описывающих республику и отдельные районы (плакаты, музеи,

вербальные нарративы), а также используются для реализации национальной политики. Во-вторых, национальности дагестанцами ритуализированы — с их помощью представляются, их пытаются узнать и, в принципе, они — элемент образа человека в восприятии. В-третьих, эта классификация оказывается полезна на индивидуальном уровне. Так, в той мере, в какой национальности являются косвенным указанием на район происхождения, информация о национальности оказывается полезна для аллокации собеседника в социальном поле. Поскольку национальность коррелирует с тем, какой язык знает человек, знание национальности позволяет модерировать языковую ситуацию, включая или исключая из коммуникации конкретных людей. Общая же национальность с кассиром в парке аттракционов или преподавателем вуза — становится основанием для скидки или учебных преференций и т. д. Такое положение вещей позволяет классификации продолжать свое существование и быть базовой когнитивной схемой для категоризирования людей в Дагестане.

Методологически же это исследование важно прежде всего концептуализацией и операционализацией ПК-фактов, которые позволяют ответить на вопрос, как этнические культурные когнитивные схемы воспроизводятся в элементарных актах коммуникации и восприятии, тем самым объяснив их.

Объясняя этнизацию: почему одни люди видят реальность через этнические линзы, а некоторые нет

Этнизация — связывание явлений и ситуаций с этническими категориями — важный элемент этничности в целом, а также именно она делает культурные схемы этническими. Почему, однако, в ответ на одни и те же триггеры у одних людей активируется этническая схема, а у других — нет? С чем это может быть связано? Этот вопрос в социальных исследованиях этничности в такой формулировке не ставился.

Для того чтобы хотя бы подступиться к ответу на этот вопрос, был реализован следующий исследовательский дизайн. В анкету онлайн-опроса, посвященного отношению местного населения к мигрантам[1], было включено три открытых вопроса, в которых респондентам — в одной фразе — предлагалось описать демонстрируемое им изображение. Изображения представляли собой фотографии, на которых были представлены реальные ситуации из российской повседневности — на первом изображении была представлена касса одного из ресторанов сети KFC — с кассирами и покупателями,

1 Опрос был проведен летом 2024 года онлайн. Автор благодарит Н.С. Иванову за организацию опроса. Детальная методология представлена в (Иванова и др. 2026).

на втором и третьем — стройка с большей и меньшей детализацией лиц строителей (Рисунок 4). Во всех случаях изображенных на фотографиях людей фактически можно — по тем или иным критериям — отнести к категории «мигранты». В какой степени, однако, респонденты использовали этнический фрейм или же они прибегали к способам интерпретации ситуации, в которых не используются этнические категории?

Ответы на вопросы были закодированы вручную, значение 1 придавалось ответу в том случае, если в нем использовались наименования национальностей или категория «мигрант» (а также ее синонимы — «приезжий», «южанин» и проч.), значение 0 — если такого рода этнизация в описании изображения отсутствовала (например, респондент в первом случае писал «очередь в KFC», во втором или третьем — «стройка» или «строители»).

Рисунок 4. Задание для изучения этнизации
Figure 4. Task for detection of ethnicisation

С учетом того, что первое изображение демонстрировалось всем респондентам, а из второго и третьего изображения респонденты видели только одно, был создан индекс этнизации, который принимал значение 1, если респондент этнизировал оба изображения, 0,5 — если этнизировано было только одно изображение, 0 — если ни одно изображение не было этнизировано. Большинство (82%) респондентов не этнизировали ни одно изображение, но 18% — этнизировали хотя бы одно. Как можно объяснить это распределение? Для ответа на этот вопрос переменная «индекс этнизации» была принята в качестве зависимой сначала в корреляционном, а затем и в регрессионном анализе (Таблица 3). В качестве независимых —

в рамках этого эксплораторного анализа — перебирались различные демографические, социальные и проч. переменные.

Таблица 3. Бивариатные связи и множественные линейные регрессии индекса этнизации
Table 3. Bivariate links and multiple linear regressions, ethnicisation index

Предиктор	Бивариатная связь, r	Множественная регрессия, Модель 1, β	Множественная регрессия, Модель 2, β
Пол (женщина = 1, мужчина = 0)	-0,060**	-0,050**	-0,050***
Возраст (лет)	0,130**	0,080***	0,070***
Национальный регион проживания (1 = да, 0 = нет)	-0,110**	-0,070***	-0,070***
Столица региона (1 = да, 0 = нет)	-0,040**	-0,030	—
Высшее образование (1 = да, 0 = нет)	0,020	0,020	—
Отношение к мигрантам (0 = отрицательно, 1 = скорее отрицательно, 2 = скорее положительно, 3 = положительно)	-0,230**	-0,180***	-0,200***
Русский/славянин (1 = да, 0 = нет)	0,060**	-0,020	—
Тревожность (0 = полностью не согласен, 1 = скорее не согласен, 2 = скорее согласен, 3 = полностью согласен)	0,140**	0,070***	0,060***
Обобщенное доверие (0 = с людьми нужно быть поосторожнее, 1 = людям можно доверять)	-0,030*	0,000	—

Удовлетворенность жизнью (0 = полностью не удовлетворен, 1 = скорее не удовлетворен, 2 = скорее удовлетворен, 3 = полностью удовлетворен)	-0,080**	-0,030*	—
Опыт поездок за границу (1 = да, 0 = нет)	0,040**	0,030	—
Потребление новостей (0 = не смотрю/не читаю, 4 = ежедневно)	0,060**	0,000	—
Мигранты среди семьи и друзей (1 = да, 0 = нет)	0	0,010	—
Мигранты среди знакомых и коллег (1 = да, 0 = нет)	0,000	0,010	—
N	7046	3620	5354
R^2	—	0,080	0,080

Примечание. * p < 0,05; ** p < 0,01; *** p < 0,001.

Анализ показал, что устойчиво чаще этнизируют: (1) мужчины, (2) старшего возраста, (3) живущие в не-национальных регионах, (4) негативно относящиеся к миграции (наиболее сильный эффект), (5) более тревожные, при этом все эти переменные действуют одновременно. Вместе с тем при такой конструкции объясняющих переменных доля объясненного распределения (R^2) составила всего 8%. Это значит, что в рамках этих моделей этнизация была объяснена лишь в небольшой степени, и существуют другие факторы, ответственные за то, что человек этнизирует. Что это за факторы и какие когнитивные и социальные механизмы ответственны за этнизацию, впрочем, вопрос будущих исследований.

Объясняя документарный конструктивизм: как будет восприниматься категоризация, если государство оказывается непоследовательным в ее использовании?

Культурные схемы, будучи социальным явлением, однако в разной степени, воздействуют на отдельных людей и целые сообщества. Как можно объяснить различия между циркулирующими

в обществе вариантами этнических схем? Одним из ключевых вопросов другого исследования, осуществленного в Дагестане летом 2022 года[1], был вопрос о восприятии информантами природы этничности. Этот вопрос отталкивался от традиции, известной как народная социология этничности (folk sociology of ethnicity). Традиционно исследователи различают две народные теории этничности: согласно первой, этническая принадлежность зафиксирована в крови и генах, согласно второй — биологической составляющей у нее нет, и она — явление культуры и передается в ходе социализации. Существует и инструмент, который традиционно замеряет принадлежность участников исследования к одной или другой группе. Это т.н. «задача на подмену при рождении» (“switch at birth task”, SaBT), в которой предлагается отнести ребенка, родившегося у родителей одной национальности, но выросшего в семье другой национальности, к одной или другой национальности. Те, кто считает, что ребенок остается национальности биологических родителей, классифицируются как эссенциалисты, те, кто считает, что национальность ребенка — это национальность его приемных родителей — конструктивисты, и тем самым будет зафиксирована вариативность этнических схем, а точнее, их компонента, связанного с восприятием этнических различий в целом.

В описываемом исследовании информантам это задание давалось в следующей формулировке: «*Представьте себе ситуацию. В семье, где папа аварец и мама аварка, родился ребенок, но сразу после его рождения — его родители попали в аварию и погибли, и ребенка взяла в качестве приемного семья лучшего друга отца, даргинца по национальности. В этой семье к нему относились как к родному, ему давали все то же, что родным детям. Наравне с ними он выучил и даргинский, а аварский он не знает. Кем этот ребенок, на Ваш взгляд, является по национальности? А если авария произошла не сразу после его рождения, а когда ему было шесть-семь лет? А если родители, которые попали в аварию, русские? А если национальность его родителей неизвестна?*» Предполагалось, что люди, которые будут отвечать «аварцы» или склоняться к этому варианту, будут классифицированы как «эссенциалисты», а те, которые будут отвечать «даргинцы» — будут классифицированы как «конструктивисты».

Раз за разом, однако без какого-либо давления интервьюеров, этого никак не ожидавших, информанты давали третий ответ,

1 В ходе исследования было собрано 133 интервью в 9 локациях республики. Подробная методология и результаты описаны в (Варшавер и др. 2023). Автор благодарит Н.С. Иванову за соорганизацию студенческой экспедиции, в ходе которых осуществлялись сбор и анализ данных, А.А. Орлову и А.Е. Шульгу за участие в сборе и анализе данных, а также всех участников этой экспедиции.

согласно которому, национальность — это не кровь и не культура, а строчка в документах:

Инт. (проговаривает виньетку): Его выращивают в семье как родного, вот он в такой ситуации. Аварец или даргинец?

Инф. 1: Не важно, не важно, в какой он нации выращен. [Важно то, что] в свидетельстве о рождении… пишут. Нацию же тоже пишут? Да, должно вроде, пишут. <…> То, что пишут, это уже остается на всю жизнь.

Как можно, согласно таким информантам, поменять национальность? Сменив документы:

Инт.: И что для этого надо?

Инф.: Для смены национальности? Паспорт [поменять]. Я не знаю этой процедуры.

А что произошло в связи с упразднением в документах графы «национальность» после распада Советского Союза? Исчезли и сами национальности:

Инт.: Ну вот национальности сейчас важны в Дагестане?

Инф. 1: Национальности — у нас такого нет. Какой бы национальности… Раньше было в паспорте написано «лакец», «русская», «даргинка», «аварка». Сейчас это нету. Так нету. Здесь национальности сейчас в паспорте нету. <…> Раньше было «лачка», «лакец», «даргинка», сейчас нету. Нету такой уже. Уже общее все.

Такой взгляд в ходе анализа был обозначен как «документарный конструктивизм». Все интервью были закодированы в том, что касается взглядов информантов. Притом что в одном интервью могли быть нарративные индикаторы нескольких взглядов, по тем интервью, где это было возможно, выявлялся ведущий взгляд. Всего информантов, которых можно было отнести к категории «документарные конструктивисты» в первую очередь, было 15 из 123, или 12%. Чем, однако, отличаются эти 12% от всех остальных и как можно объяснить такую — ранее не описанную в научной литературе — народную социологию этничности?

Здесь надо сделать шаг назад и коротко рассказать о складывании этнических категорий (национальностей) в современном Дагестане в том виде, в каком они существуют сейчас. Притом что первые попытки кодификации культурного разнообразия были предприняты в Дагестане еще в середине XIX века, всеобъемлющие усилия по этническому классифицированию дагестанцев были предприняты уже советской администрацией в 20-е годы XX века в рамках политики коренизации, и в том числе в ходе подготовки к первой Всесоюзной переписи населения 1926 года. В рамках этой кампании было выделено порядка 40 «местных» национальностей. Затем, по разным причинам, от переписи к переписи количество национальностей менялось: в 1939 году их стало 11, и в основном за счет включения малочисленных национальностей, представители кото-

рых говорили на андо-цезских языках, в категорию «аварцы». К 1959 году, за счет исключения агулов, рутульцев и цахуров из числа лезгин, число национальностей выросло до 14, и реестр национальностей приобрел вид, в котором он просуществовал до распада СССР. Затем на волне либерализации — с небольшими нюансами — список дагестанских национальностей вернулся к виду 1926 года. Это значит, что на протяжении жизни одного человека он и его односельчане в том или ином виде могли быть реклассифицированы государством дважды: например, родившийся в 1910 году в селе Бежта человек получил паспорт как капучин, в конце 1930-х он стал аварцем, а если он дожил до переписи 2002 года, он мог быть переписан как бежтинец. Сел, население которых было в какой-то момент реклассифицировано, в Дагестане насчитывается несколько десятков. В Таблице 4 проиллюстрированы такие трансформации.

Таблица 4. Представленность национальностей в советских и постсоветских переписях населения (составлено автором)
Table 4. List of Dagestani nationalities (ethnic categories) present in Soviet and post-Soviet censuses (compiled by the author)

1926	1939	1959, 1970, 1979, 1989	2002, 2010, 2021
Аварцы, ботлихцы, тиндии, капучинцы, хунзалы, тавлинцы, багулалы, арчинцы, чамалалы, годоберинцы, хваршины, каратаи, ахвахцы, андии, дидои	Аварцы	Аварцы	Аварцы, ботлихцы, тиндинцы, багулалы, арчинцы, чамалалы, годоберинцы, хваршины, каратинцы, ахвахцы, дидойцы, андийцы, гунзибцы, бежтинцы, гинухцы
Даргинцы, кубачинцы, кайтагцы	Даргинцы	Даргинцы	Даргинцы, кубачинцы, кайтагцы
Кумыки	Кумыки	Кумыки	Кумыки
Лезги, агулы, рутулы, цахуры	Лезгины	Лезгины, агулы, рутульцы, цахуры	Лезгины, агулы, рутульцы, цахуры
Лаки	Лаки	Лакцы	Лакцы

Тюрки	Азербайджанцы	Азербайджанцы	Азербайджанцы
Табасараны	Табасараны	Табасараны	Табасараны
Русские	Русские	Русские	Русские
Чечены	Чеченцы	Чеченцы	Чеченцы
Ногайцы	Ногайцы	Ногайцы	Ногайцы
Евреи, евреи горские, таты	Евреи	Евреи, евреи горские, таты	Евреи, евреи горские, таты

На основании кейсбука и кодировки, описанной выше, была рассчитана логистическая регрессионная модель (Таблица 5), в которой зависимой переменной стал «документарный конструктивизм», присутствующий в интервью в качестве ведущей «народной социологии этничности» (значения 1 — да, 0 — нет). Было обнаружено, что есть два фактора, устойчиво связанные с документарно-конструктивистской позицией: это возраст (чем старше — тем выше вероятность документарного конструктивизма) и социализация в селе, население которого было реклассифицировано на протяжении XX века. Если человек родился и жил в детстве в таком селе, вероятность того, что он будет документарным конструктивистом, более чем в 5 раз выше, чем если бы он родился в любой другой локации. Теоретический вывод из этого результата следующий: если государство непоследовательно в своих классификаторных актах, высока вероятность, что классифицируемые будут воспринимать всю классификацию не более чем элемент административной реальности, правила игры, внешние по отношению к ним. Таким образом, элемент этнической схемы, который можно обозначить как «общие спонтанные представления о природе этничности», взятый в качестве зависимой переменной, был объяснен институционально, и это исследование является иллюстрацией того, как может быть устроено объяснение культурных схем в исследованиях этничности.

Таблица 5. Бинарная логистическая регрессия: документарный конструктивизм
Table 5. Binary logistic regression: documentary constructivism

Предиктор	B	OR
Село было реклассифицировано (1 = да, 0 = нет)	1,639*	5,150
Возраст (лет)	0,050**	1,052
Пол (женщина = 1, мужчина = 0)	-0,411	0,663
Высшее/незаконченное высшее образование (1 = да, 0 = нет)	0,148	1,159
Жил вне Дагестана (2 = да, долго; 1 = да, недолго; 0 = нет)	-0,058	0,943
Константа	-4,951***	0,007
N	99	—
Псевдо-R^2 Кокса и Снелла	0,174	—
Псевдо-R^2 Нэйджелкерка	0,304	—

Примечание. Зависимая переменная — информант квалифицирован как документарный конструктивист (1 = да, 0 = нет). Показаны нестандартизованные коэффициенты логистической регрессии (B), p-значения и отношения шансов (OR). * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$. Прочерк означает, что показатель не применим.

Объясняя сильную этническую идентичность в Башкортостане: почему для одних национальная принадлежность — это номинальная категория, а для других — мотиватор для действия?

Социологическое объяснение, однако, это не только и не столько связь между переменными, сколько реконструкция частотных цепочек причин и следствий (часто на уровне индивидов), в результате которых воспроизводятся элементы социальной структуры. Эти цепочки известны как механизмы. В примере ниже будут описаны механизмы воспроизводства сильной этнической идентичности в Башкортостане.

С точки зрения когнитивной социологии этническая идентичность — это связь между репрезентациями личности и репрезентациями этнической категории, или, проще говоря, положение ве-

щей, когда этнизированные явления/вещи/слова воспринимаются как часть «Я». Как можно объяснить сильную этническую идентичность? Притом что в социологической литературе косвенно обсуждается много факторов, связанных с яркими этническими границами (напр., Wimmer 2013, pp. 44–112), социальные механизмы, в рамках которых идентификация со «своей» этнической категорией становится значимой на индивидуальном уровне, — за редким исключением оказываются вне фокуса литературы. Наиболее известный научный нарратив такого рода связан с американской социально-психологической традицией (Phinney 2013; Cross 1978), в рамках которого сильная идентичность становится пошаговым следствием дискриминации. Насколько это так в случае жителей Башкортостана?

Для ответа на этот вопрос было осуществлено исследование в смешанной методологии[1]. В интервью, как и в Дагестане в 2024 году, в фокус были помещены перцептивно-коммуникативные факты, связанные с этничностью. Эти факты, будучи аналогичным образом проанализированы, позволили выделить несколько воспроизводящихся от случая к случаю отдельных факторов и механизмов, в результате которых у жителей Башкортостана регулярно возникает сильная этническая идентичность. Среди факторов были выделены следующие: (1) наличие значимого другого, для которого этническая принадлежность была уже важна и который сообщил информанту ценность национальной принадлежности; (2) профессионализация этничности, то есть ситуация, когда работа человека непосредственно связана с его национальностью (игра на национальном инструменте, преподавание языка и проч.); (3) кризис — возрастной период или событие (рождение ребенка, выход на пенсию), запустившие пересмотр взгляда на мир; (4) дискриминация по этническому признаку. Вместе с тем наиболее ярким, частотным и неожиданным механизмом, в результате которого у человека, номинального башкира или татарина, складывалась сильная этническая идентичность, был механизм, получивший название «этнизация через ностальгию».

В рамках этого механизма, родившись в селе, где доминировал (или как минимум присутствовал) не-русский язык, и переехав в город (прежде всего в Уфу) на учебу или работу, человек начинал скучать по родным людям и местам. Параллельно он сталкивался с тем, что быт, культура, предметы и ландшафты сельской мест-

1 Общая методология сбора и анализа данных описана в сноске 6. Помимо упомянутых в этой сноске, автор благодарит Т. Д. Егорову и А. А. Орлову за участие в сборе и анализе данных.

ности были этнизированы в рамках национальной политики и разного рода мероприятий. Родное село оказывалось не просто селом, а башкирским/татарским селом, бабушкины украшения, с которыми он играл в детстве, интерпретировались как национальные, более того, этнизировалась даже природа (горы и степи), плотно связываясь прежде всего с категорией «башкир». Эта интерпретация, однако, происходила не в одночасье. Частично в результате того, что соответствующие предметы (например, юрты или узоры) представлены в городском пространстве, но прежде всего — как следствие посещения мероприятий, в которых присутствует как символическая, так и эмоциональная составляющая (например, «самоварные танцы» на набережной реки Белая — где основной язык башкирский, действие происходит «под сенью» памятника Салавату, основные эмоции — радость и экстаз, а нарративно делаются регулярные отсылки к районам), человек, бывший до того башкиром или татарином лишь номинально, привязывался к своей этнической категории эмоционально. Если коротко обобщить, ностальгия селян по родным местам, людям и детству, этнизированная в рамках символических рядов и заряженная эмоционально в ходе «этнических» мероприятий, и создает сильную этническую идентичность в Башкортостане.

Насколько надежны эти выводы, основанные на ограниченном, пусть и объемном, качественном поле? На втором этапе исследования, в опросе, часть вопросов замеряла то, происходили ли в жизни респондентов отдельные события, из которых состоит механизм «этнизация через ностальгию» (переезд, скучание, посещение мероприятий и др.). Был создан нормализованный кумулятивный индекс, принимавший значение 1 в том случае, если все события механизма происходили в жизни респондента, 0 — если ни одно из них, промежуточные — если некоторые да, некоторые нет. Прочие факторы и механизмы (значимый другой, значимое событие/период, дискриминация) были также замерены, однако каждый замерялся прямым образом — с помощью одного вопроса; переменная на его основании также принимала значения 1 (события имели место) и 0 (события не имели места). В качестве зависимой переменной был взят индекс идентичности, заимствованный из работ американского психолога Джоан Финни (Phinney 2013) и адаптированный для целей исследования.

Была рассчитана серия регрессионных моделей, в которых с контролем по социально-демографическим переменным измерялось то, насколько те или иные механизмы — по отдельности и вместе — объясняют вариацию индекса идентичности (Таблица 6).

Таблица 6. Линейные регрессии, объясняющие силу этнической идентичности
Table 6. Linear regressions predicting the intensity of ethnic identity

Предиктор	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Механизм — значимый другой	0,294**	—	—
Механизм — значимые события	0,111	0,292***	—
Механизм — дискриминация	-0,055	-0,020	0,049
Механизм — ностальгия	0,399***	—	—
Год рождения (большее значение = более поздний год рождения/более молодой возраст)	0,108	0,079	0,052
Пол (женщина = 1, мужчина = 0)	-0,032	-0,085	-0,074
Высшее образование (1 = да, 0 = нет)	0,013	0,037	0,020
N	1107	1107	1107
R^2	0,330	0,090	0,010

Примечание. Зависимая переменная — идентичность. Показаны стандартизованные коэффициенты линейной регрессии (β). Прочерк означает, что предиктор не включался в соответствующую модель.
* p < 0,05; ** p < 0,01; *** p < 0,001.

Согласно результатам расчетов, именно механизм «ностальгия» обладает наибольшей объяснительной силой (бета = 0,399, p < 0,001 при R^2 = 0,33), при этом такое значение R^2 достигается за счет включения в эту модель всех остальных механизмов и факторов, из которых обладает статистической значимостью одновременно с «ностальгией» только «значимый другой». Расчет другой модели, из которой были исключены механизмы «ностальгия» и «значимый другой», показал, что механизм «значимое событие» также может

играть роль (пусть эмпирически различить значимое событие, значимого другого и ностальгию может оказаться сложно). Вместе с тем фактор «дискриминация» оказался статистически незначим во всех моделях.

На основании этих расчетов можно сделать следующие выводы. Прежде всего, «ностальгия» — это не фантом и не артефакт качественных данных, а механизм, работающий на производство сильной идентичности на уровне Башкортостана в целом. Более того, притом что работает он наряду и с другими факторами и механизмами («значимый другой», «значимое событие»), именно этот механизм обладает наибольшей объяснительной силой. Содержательно же это значит, что в республике сложился паттерн, в рамках которого селяне из преимущественно башкиро- и татароязычных сел переезжают в города, и за счет скучания по родным людям, местам и ландшафтам, которые — в городе — оказываются этнизированы и символически связаны с категориями «башкиры» и «татары», а также за счет посещения мероприятий и встреч, в ходе которых положительные эмоции, возникающие от посещения этих мероприятий, этнизируются, то есть символически привязываются к этнизированным символам, предметам, людям и практикам. За счет действия этого механизма у изначально номинальных башкир и татар регулярно возникает сильная этническая идентичность на индивидуальном уровне, или, говоря на языке схем, этническая схема оказывается наложена на представление о себе. Эта идентичность затем становится базой для индивидуального и коллективного действия, что, однако, оказывается за границами механизма, проверить существование и значимость которого призвано данное исследование.

Дискуссия и выводы

Итак, объявленный в начале 2000-х когнитивный поворот в исследованиях этничности, призванный эксплицировать и ускорить когнитивизацию области, и так происходящую на протяжении последних 80 лет, до настоящего момента не был методологизирован — то есть не существовало конкретных зафиксированных методов, алгоритмов и решений, использование которых операционализирует когнитивный поворот для конкретных исследований. Данной статьей эта лакуна до определенной степени была закрыта.

Что же совокупно удалось понять про этничность с помощью описанных методов и дизайнов? Уже сейчас можно говорить о нескольких инсайтах, которые можно обозначить как «добавленную ценность» эксплицитной когнитивизации исследований этничности. Прежде всего — вопреки установкам административного поворота,

фокусирующегося на официальных этнических категориях — вернакулярная, спонтанная категоризация оказалась не менее, а возможно и более важна, чем административная. Это связано как с тем, что администраторы воспроизводят собственную вернакулярную реальность в своих представлениях и практиках, так и с тем, что далеко не все административные интервенции оказываются эффективными. В конечном счете человек постоянно осуществляет выбор между спонтанными интерпретациями реальности, выбирая интерпретацию одновременно вероятную, когнитивно не затратную и практически полезную. Во-вторых, схемы, с ними связанные, существенно различаются от контекста к контексту и, хотя, вероятно, можно говорить о когнитивных универсалиях, контекстозависимые когнитивные этнические схемы как минимум также важны, а перипетии, сопряженные с их воспроизводством, — могут быть весьма витиеваты (см. случай Башкортостана). В-третьих, элементарные единицы такого воспроизводства — акты коммуникации и восприятия — с одной стороны, достаточно неуловимы и мимолетны, с другой — их фиксация возможна и даже необходима для дальнейшего движения в сторону ответа на вопрос о том, как устроена этничность «между» большими тенденциями и институтами, с одной стороны, и когнитивно-социальной повседневностью — с другой.

Вместе с тем социально-когнитивные феномены и, в частности, культурная когнитивная схема — сложны для исследования. В теоретическом плане схемы сложно отличимы от классических социологических репрезентаций, более того — с пролиферацией 4E-подхода, выносящего сознание за пределы мозга и концептуализирующего его как сеть, состоящую из разнотипных объектов, индивид для которой — не актор, а не более чем вернакулярная метафора этой сети, деление на внутреннее (схемы) и внешнее (репрезентации) теряет смысл. Добавляет путаницы и то, что «репрезентации» — это одновременно и когнитивистский концепт, обозначающий отражения внешних вещей в памяти/сознании. В целом терминологический ряд когнитивной социологии требует рефлексии и обновления, что является отдельной задачей. В этом контексте описание операционализаций когнитивных схем для эмпирических исследований в отдельной тематической сфере (в данном случае — этничности, лишь слегка затронутой когнитивным поворотом) является полезной индуктивной задачей, которая и была решена в рамках данной статьи.

Приведенными исследованиями, однако, возможности для операционализации не ограничиваются — в этом же номере, в статье, посвященной когнитивному повороту, производятся и другие эмпирические ходы (например, анализ живого языка), и одновременно с тем ни один метод не является стопроцентным попаданием —

в первую очередь потому что сам концепт, существующий на высоком уровне абстракции, не может быть операционализирован напрямую по принципу заданий «не думать о красной обезьяне» или посмотреть на слепое пятно. Предложенная линейка методов может быть продолжена и, являя собой набор готовых инструментов для использования в исследованиях, задумана также как ориентир — как вообще можно исследовать этничность, фокусируясь не на народах и их культуре, а на институционализированном дифференцирующем взгляде. В конечном счете науке об этничности нужно наверстывать прочие области, где когнитивный поворот стал теоретико-методологической нормой, — это будет крайне полезно как для исследований этничности, так и для когнитивных социальных наук, для которых исследования этничности крайне показательны в части практически всех поднимаемых вопросов — спонтанных классификаций, эмоций, связки «схемы-действия» и проч.

Притом что когнитивный поворот — это и есть в некотором смысле ответ на вопрос, что и как нужно исследовать дальше, чтобы понять этничность, можно обозначить и несколько конкретных направлений, представляющихся в этой связи наиболее осмысленными. Прежде всего, это концептуализация и операционализация эмоций. Постепенно оформляющиеся в качестве пятого «E» в концепции 4E-мышления, эмоции играют очевидно большую роль в разворачивании этничности. Существует эмпирическая социология эмоций, однако ее методологический арсенал вряд ли на данный момент может считаться исчерпывающим. В этом контексте следует указать на второе направление развития исследований этничности — это интеграция нейрофизиологических методов — от простых (например, замер кожно-гальванической реакции и вариабельности сердечного ритма) до требующих серьезных инструментов (например, замер степени перекрытия (overlap) нейронной активности, связанной с представлениями о себе и о социальных категориях/вещах). Третье направление касается не столько этничности, сколько когнитивных социальных наук, так и не сформировавших непротиворечивую сеть концептов и базирующуюся на ней магистральную программу исследований. Все это, однако, реализуемо только широкой коалицией исследователей из разных областей (социальные ученые, психологи, когнитивисты, историки), создание которой — первоочередная задача для дальнейшей работы.

Финансирование / Funding

Данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

The article was written on the basis of RANEPA state assignment research programme

Список источников / References

Брубейкер Р. (2012) *Этничность без групп.* В пер. И. Борисовой. М.: ИД НИУ ВШЭ.

— Brubaker R. (2012) *Ethnicity without Groups*. Transl. by I. Borisova. Moscow: HSE University Press. — in Russ.

Варшавер Е. А. (2024a) Что именно исследуется, когда исследуется этничность? Дескриптивная модель для конструктивистских исследований этничности в контексте когнитивного поворота. *Социологическое обозрение*, 23(3), с. 94–126. EDN: IGULTR. https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-3-94-126

— Varshaver E. A. (2024a) What Exactly is Studied When Ethnicity is Researched? A Descriptive Model for Constructivist Studies of Ethnicity in the Context of the Cognitive Turn. *Russian Sociological Review*, 23(3), pp. 94–126. https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-3-94-126. — in Russ.

Варшавер Е. А. (2024b) *Что именно исследуется, когда исследуется этничность? Дескриптивная модель для конструктивистских исследований этничности в контексте когнитивного поворота: статья, дискуссия, ответ автора дискуссантам*. М.: Группа исследований миграции и этничности. https://mer-center.ru/what-exactly-is-studied-when-ethnicity-is-researched-a-descriptive-model-for-constructivist-studies-of-ethnicity-in-the-context-of-the-cognitive-turn-article-discussion-athors-response

— Varshaver E. A. (2024b) *What Exactly is Studied When Ethnicity is Researched? A Descriptive Model for Constructivist Studies of Ethnicity in the Context of the Cognitive Turn: Paper, Discussion and Author's Response*. Moscow: Group for Migration and Ethnicity Research. http://mer-center.com/varshaver_what_exactly_is_studied_descriptive.pdf. — in Russ.

Варшавер Е. А. (2025) *Роль национальностей в Дагестане: взгляд через призму когнитивного поворота в конструктивистских исследованиях этничности.* Препринт. М.: Группа исследований миграции и этничности. https://mer-center.ru/the-role-of-nationalities-in-dagestan-a-perspective-from-the-cognitive-turn-in-constructivist-ethnicity-studies

— Varshaver E. A. (2025) *The Role of Nationalities in Dagestan: A Perspective from the Cognitive Turn in Constructivist Ethnicity Studies*. Working Paper. Moscow: Group for Migration and Ethnicity Research. http://mer-center.com/varshaver_the_role_of_nationalities_in_dagestan.pdf. — in Russ.

Варшавер Е. А. (2026) Роль национальностей в Дагестане: взгляд через призму когнитивного поворота в конструктивистских исследованиях этничности. *Журнал Фронтирных исследований*, 11(2), с. 72–108. EDN: BZEMJP. https://doi.org/10.46539/jfs.v11i2.685

— Varshaver E. A. (2026) The Role of Nationalities in Dagestan: A Perspective from the Cognitive Turn in Constructivist Ethnicity Studies. *Journal of Frontier Studies*, 11(2), pp. 72–108. https://doi.org/10.46539/jfs.v11i2.685. — in Russ.

Варшавер Е. А., Иванова Н.С., Егорова Т.Д., Орлова А. А., Айтжанов С.М., Ескин К.Д. (2027) Этнизация ностальгии: механизмы и факторы сильной этни-

ческой идентичности в Башкортостане. *Антропологический форум*. [На рассмотрении].

— Varshaver E. A., Ivanova N. S., Egorova T. D., Orlova A. A., Aitzhanov S. M., Eskin K. D. (2027) The Ethnicization of Nostalgia: Mechanisms and Factors of Strong Ethnic Identity in Bashkortostan. Anthropological Forum. [Under review]. — in Russ.

Варшавер Е. А., Иванова Н. С., Егорова Т. Д. (2024а) Воображая российскую нацию: кто, с точки зрения жителей России, является частью российского общества и можно ли стать его частью? *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 26(2), с. 306–324. EDN: MYRGAC. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-306-324

— Varshaver E. A., Ivanova N. S., Egorova T. D. (2024a) Imagining the Russian Nation: Who, According to the Residents of Russia, Constitute Russian Society, and Can an Outsider Become its Member? *RUDN Journal of Political Science*, 26(2), pp. 306–324. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-306-324. — in Russ.

Варшавер Е. А., Гупалова Ю. В., Орлова А. А. (2024б) *В Москве на самом деле проживает две национальности — славяне и южане? Отчет по результатам исследования вернакулярных категоризаций с применением элицитационных методов*. Препринт. М.: Группа исследований миграции и этничности. https://mer-center.ru/are-there-only-two-ethnic-groups-in-moscow-slavs-and-southerners-research-on-vernacular-categorization-with-elicitation-methods-used

— Varshaver E. A., Gupalova J. V., Orlova A. A. (2024b) *Are There Only Two Ethnic Groups in Moscow: Slavs and Southerners? Research on Vernacular Categorization with Elicitation Methods Used.* Working Paper. Moscow: Group for Migration and Ethnicity Research. https://mer-center.com/are-there-only-two-ethnic-groups-in-moscow-slavs-and-southerners-research-on-vernacular-categorization-with-elicitation-methods-used. — in Russ.

Варшавер Е. А., Орлова А. А., Гупалова Ю. В. (2025) В Москве живут славяне и южане? Исследование вернакулярных категоризаций с применением элицитационных методов. *Социология власти*, 37(3), с. 214–240. EDN: UFPDTD.

— Varshaver E. A., Orlova A. O., Gupalova Yu. V. (2025) Are There Only Two Ethnic Groups in Moscow: Slavs and Southerners? Research on Vernacular Categorization Using Elicitation Methods. *Sociology of Power*, 37(3), pp. 214–240. — in Russ.

Варшавер Е. А., Орлова А. А., Шульга А. Е. (2023) Документарный конструктивизм как особая форма конструктивистской народной социологии: свидетельства из Дагестана. *Этнографическое обозрение*, (6), с. 156–177. EDN: MOURPT. https://doi.org/10.31857/S0869541523060106

— Varshaver E. A., Orlova A. A., Shulga A. E. (2023) Documentary Constructivism as a Special Form of Constructivist Folk Sociology: Evidence from Dagestan. *Etnograficheskoe obozrenie*, (6), pp. 156–177. https://doi.org/10.31857/S0869541523060106. — in Russ.

Иванова Н. С., Варшавер Е. А., Егорова Т. Д., Орлова А. А. (2026) «Ну, будь человеком, вот и все!»: интеграция мигрантов в представлениях местных жите-

лей. *Журнал Фронтирных исследований*, 11(1), с. 271–295. EDN: PEUQUQ. https://doi.org/10.46539/jfs.v11i1.670

— Ivanova N. S., Varshaver E. A., Egorova T. D., Orlova A. A. (2026) "Just be Human, That's All!": Local Residents' Concepts of Migrant Integration. *Journal of Frontier Studies*, 11(1), pp. 271–295. https://doi.org/10.46539/jfs.v11i1.670. — in Russ.

Banks M. (2003 (1996)) *Ethnicity: Anthropological Constructions*. London: Routledge.

Barth F. (1998 (1969)) *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference*. Long Grove, IL, Waveland Press.

Bartlett F. C. (1995 (1932)) *Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology*. New York: Cambridge University Press.

Boutyline A., Soter L. K. (2021) Cultural Schemas: What They Are, How to Find Them, and What to Do Once You've Caught One. *American Sociological Review*, 86(4), pp. 728–758. https://doi.org/10.1177/00031224211024525

Brubaker R. (2004) *Ethnicity without Groups*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Brubaker R., Loveman M., Stamatov P. (2004) Ethnicity as Cognition. *Theory and Society*, 33, pp. 31–64. https://doi.org/10.1023/B:RYSO.0000021405.18890.63

Cerulo K. A. (2023 (1998)) *Deciphering Violence: The Cognitive Structure of Right and Wrong*. New York: Routledge.

Cerulo K. A., Leschziner V., Shepherd H. (2021) Rethinking Culture and Cognition. *Annual Review of Sociology*, 47(1), pp. 63–85. https://doi.org/10.1146/annurev-soc-072320-095202

Chandra K. (ed.) (2012) *Constructivist Theories of Ethnic Politics*. New York: Oxford University Press.

Clark A. (2016) *Surfing Uncertainty: Prediction, Action, and the Embodied Mind*. New York: Oxford University Press.

Cross Jr, W. E. (1978) The Thomas and Cross models of psychological nigrescence: A review. *Journal of Black psychology*, 5(1), pp. 13–31. https://doi.org/10.1177/009579847800500102

Delmestri G., Greenwood R. (2016) How Cinderella Became a Queen: Theorizing Radical Status Change. *Administrative Science Quarterly*, 61(4), pp. 507–550. https://doi.org/10.1177/0001839216644253

DiMaggio P. (1997) Culture and Cognition. *Annual Review of Sociology*, 23(1), pp. 263–287. https://doi.org/10.1146/annurev.soc.23.1.263

Eriksen T. H. (2010 (1994)) *Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives*. Londo: Pluto Books.

Evans J. S. B. T., Stanovich K. E. (2013) Dual-Process Theories of Higher Cognition: Advancing the Debate. *Perspectives on Psychological Science*, 8(3), pp. 223–241. https://doi.org/10.1177/1745691612460685

Fearon J. D., Laitin D. D. (2003) Ethnicity, Insurgency, and Civil War. *American Political Science Review*, 97(1), pp. 75–90. https://doi.org/10.1017/S0003055403000534

Gluckman M. (1940) Analysis of a Social Situation in Modern Zululand. *Bantu Studies*, 14(1), pp. 1–30. https://doi.org/10.1080/02561751.1940.9676107

Gluckman M. (1960) Tribalism in Modern British Central Africa. *Cahiers d'Études Africaines*, 1(1), pp. 55–70. http://www.jstor.org/stable/4390746

Horowitz D. L. (2000 (1985)) *Ethnic Groups in Conflict* (Updated with a New Preface). Berkeley and Los Angeles, CA: University of California Press.

Hunzaker M. B. F., Valentino L. (2019) Mapping Cultural Schemas: From Theory to Method. *American Sociological Review*, 84(5), pp. 950–981. https://doi.org/10.1177/0003122419875638

Jenkins R. (2008) *Rethinking Ethnicity*. London: SAGE Publications Ltd. https://doi.org/10.4135/9781446214855

Lewis K., Kaufman J., Gonzalez M., Wimmer A., Christakis N. (2008) Tastes, ties, and time: A new social network dataset using Facebook.com. *Social networks*, 30(4), pp. 330–342. https://doi.org/10.1016/j.socnet.2008.07.002

Lizardo O. (2017) Improving Cultural Analysis: Considering Personal Culture in its Declarative and Nondeclarative Modes: Considering Personal Culture in its Declarative and Nondeclarative Modes. *American Sociological Review*, 82(1), pp. 88–115. https://doi.org/10.1177/0003122416675175

Lo Monaco G., Piermattéo A., Rateau P., Tavani J. L. (2017) Methods for Studying the Structure of Social Representations: A Critical Review and Agenda for Future Research. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 47, pp. 306–331. https://doi.org/10.1111/jtsb.12124

Lounsbury M., Steele C. W., Wang M. S., Toubiana M. (2021) New Directions in the Study of Institutional Logics: From Tools to Phenomena. *Annual Review of Sociology*, 47, pp. 261–280. https://doi.org/10.1146/annurev-soc-090320-111734

Mead G. H. (1934) *Mind, Self, and Society from the Standpoint of a Social Behaviorist*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Mitchell J. C. (1956) *The Kalela Dance. Aspects of Social Relationships among Urban Africans I n Northern Rhodesia*. Manchester: Manchester University Press on Behalf of the Rhodes-Livingstone Institute. https://era.anthropology.ac.uk/Kalela/

Moscovici S. (1981) On Social Representations. *Social Cognition: Perspectives on Everyday Understanding*, 8(12), pp. 181–209.

Newen A., De Bruin L., Gallagher S. (eds.). (2018) *The Oxford Handbook of 4E Cognition*. New York: Oxford University Press.

Phinney J. S. (2013 (1998)) Ethnic Identity in Adolescents and Adults: Review of Research. In *Readings in Ethnic Psychology*, ed. by P. B. Organista, K. Chun, G. Marin. London: Routledge. https://doi.org/10.4324/9781315822129

Strauss C., Quinn N. (1997) A Cognitive Theory of Cultural Meaning. *Publications of the Society for Psychological Anthropology*, Vol. 9. Cambridge: Cambridge University Press.

Swidler A. (1986) Culture in Action: Symbols and Strategies. *American Sociological Review*, 51(2), pp. 273–286. https://doi.org/10.2307/2095521

Tomasello M. (2003) *Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Turner J. C., Onorato R. S. (1999) Social Identity, Personality, and the Self-Concept: A Self-Categorization Perspective. In *The Psychology of the Social Self* (1st ed.), ed. by T. R. Tyler, R. M. Kramer, O. P. John: pp. 11–46. New York: Psychology Press. https://doi.org/10.4324/9781315805689

Turner V. (2020 (1957)) *Schism and Continuity in an African Society: A Study of Ndembu Village Life*. London: Routledge.

Varshaver E. A., Ivanova N.S. (2027). Ethnicization of Nostalgia: Migration, Emotions, and Strong Ethnic Identification in Bashkortostan. Nationalities Papers. [In progress].

Vaisey S. (2009) Motivation and Justification: A Dual-Process Model of Culture in Action. *American Journal of Sociology*, 114(6), pp. 1675–1715. https://doi.org/10.1086/597179

Van Dijk T. A. (2017) Socio-Cognitive Discourse Studies. In *The Routledge Handbook of Critical Discourse Studies*, ed. by J. Flowerdew & J. E. Richardson: pp. 26–43. London: Routledge.

Wimmer A. (2013) *Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks*. New York: Oxford University Press.

Zerubavel E. (1999) *Social Mindscapes: An Invitation to Cognitive Sociology*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Об авторе / About the author

Варшавер Евгений Александрович — к.с.н., директор Центра региональных исследований и урбанистики ИПЭИ, РАНХиГС, Москва, Российская Федерация. Научные интересы: этничность, антропология, когнитивная социология, миграция.

https://orcid.org/0000-0002-5901-8470. E-mail: varshaver-ea@ranepa.ru

Evgeni A. Varshaver — Ph.D. in sociology, head of the Center for regional research and urban studies, IAER, RANEPA, Moscow, Russian Federation. Research interests: ethnicity, cognitive sociology, migration.

https://orcid.org/0000-0002-5901-8470. E-mail: varshaver-ea@ranepa.ru